

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 2 (95) 2014
март — апрель

Тема номера:
**ОГРАНИЧИВАЕТ ЛИ
ВОЗДЕРЖАНИЕ СВОБОДУ?**

- в паузах между требами и службами
- дороги разные, а путь один
- туда, где смыкается небо с землею

СОДЕРЖАНИЕ

ОГРАНИЧИВАЕТ ЛИ ВОЗДЕРЖАНИЕ СВОБОДУ?

Протоиерей Валентин Уляхин – Павел Демидов
Вопрос вопросов – принятие Бога или отвержение Его. Середины – нет 3

Лариса Беляева.
Анкета «Лампады».
Скажите, пожалуйста... 6

Олег Ольхов – Павел Демидов
Желания неумны,
а возможности имеют предел.
Первого следует опасаться,
о втором – не забывать 8

Сергей Худиев
Как бы не прожить впустую 13

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Русский колокол на Святой Земле 15

Павел Демидов
И клирик, и лирик 16

Наталья Лосева
Своя дорога к храму 18

Олег Сикарев
Сложные судьбы сложных времен 20

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Владимир Ряполов
Забытый на родине 22

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
Он был своим в саду мировой культуры 25

Из «Записной книжки» Н.И. Гнедича 27

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Ефимов ключик 29

МИР ВОКРУГ НАС

Валентин Курбатов
Какого человека ждет от культуры государство? 33

Дмитрий Ермаков
«Бирюзовый дом» в Николе 34

ЛАМПАДКА

Елена Литвяк
Соловецкие истории 37

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Зам. главного редактора
Лариса Беляева (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Фото Вадима Рутковского: храм
Успения Пресвятой Богородицы
Санкт-Петербургского подворья
Свято-Введенского монастыря Опти-
ной пустыни; страницы 3 и 8

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 26.02.2014

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 1200 экз. Заказ № 0083
© Лампада, 2014

Вопрос вопросов – принятие Бога или отвержение Его. Середины – нет

То, что заложено в человеке от рождения, он несет в себе всю жизнь. Радую или озорчая окружающих. Одаряя их теплом своего сердца или охлаждая равнодушием. Кто учился или работал в МГИМО в конце шестидесятых – начале семидесятых годов, наверняка сохранили благодарную память о студенте Валентине Уляхине. И в Институте востоковедения Академии наук СССР оставил добрый след ведущий научный сотрудник, доктор экономических наук Валентин Николаевич Уляхин. С 1996 года, когда он принял священнический сан, возможно, иные прихожане храма святителя Николая в Кузнецких исповедовались у своего бывшего однокашника

ка или сотрудника – отца Валентина. Сегодня его можно увидеть в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, где он, доцент, преподает на кафедре Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В храме Живоначальной Троицы, что в Вешняках, каждую субботу он читает канон мученику Уару, заступнику усопших некрещенных, и обращает при этом такие слова к скорбящим родным, что к ним приходит утешение. Сегодня с отцом Валентином вы встречаетесь на страницах нашего журнала – беседующим о главной теме номера: «Ограничивает ли воздержание свободу?».

Павел Демидов

– С одной стороны, наша вера призывает к воздержанию. С другой же – Бог создал человека свободным. Как сочетается одно с другим?

– Этот вопрос был актуален всегда. Что делать со своим именем, то есть с тем, что у тебя есть? А свобода – тоже имя. Апостол Павел, обращаясь к Галатам (5:13–14), говорил: «К свободе вы призваны, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя». Ответ достаточно полный, однако Апостол идет дальше. В том же Послании он трактует уже само понятие свободы. Как свободу от греха. Знаменательно, что у материалистов в XX веке мы находим созвучную тезу: свобода – это осознанная необходимость.

– Но разве необходимость не противоречит свободе?

– В том-то все лукавство бородатого классика. Теза купирована как раз в том месте, за которым она приобрела бы прямо противоположный смысл. Свобода – есть осознанная необходимость не грешить. Именно она и дарована человеку Богом.

– Еще со студенческих времен мне не давала покоя эта марксова формула. Вроде бы она завораживающе проста: осознал необходимость

чего-то – и ты свободен. Но приходит на ум и другое. Значит, ты свободен от всего: от обязательств, от сомнений, от угрызений совести, даже от закона? Как Раскольников: осознал необходимость убедиться в том, что он не «тварь дрожащая», и доказал свою свободу с помощью топора. Эта формула – по сути, оправдание и революционного терроризма, и вообще любого насилия. Грех перестает быть таковым, тогда как именно он и есть нарушение свободы. Я прав?

– Именно так. В «Исповеди» блаженного Августина (он написал ее где-то в начале V века) рефреном упоминается воздержание, абстиненция. Еще будучи манихеем, он молился: «Господи, поддай мне воздержание. Но только не сейчас». Заканчивает молитву будущий святой словами: «А сейчас дай мне жить так, как я хочу».

– То есть жить по своим похотям. Не в современном, узкофизиологическом смысле этого слова, а во всей его полноте – жить в соответствии со своими хотениями, то есть свободно.

– Да. Но и воздержание, и свобода – категории, которые подчинены общему, более высокому духовно-нравственному измерению. Если человек находится в тисках желаний у своей плоти или в плену у гордыни, то как бы он ни просил Бога даровать

ему воздержание, он никогда его не достигнет.

– Но после обращения святой уже перестал сторониться воздержания?

– Разумеется. Только не надо думать, что существо христианской жизни исчерпывается им одним. Апостол Павел вводит воздержание в систему духовного жителства. Это – категория духа, пневматики. Только тот, кто направляет свой ум для постижения истины, волю – для добра, а чувства – для святости, кто стремится к духовной жизни, только тот может стяжать воздержание.

– А если я вас спрошу: стремиться к духовной жизни – это конкретно как?

– Ответу вам опять же словами апостола Павла. Плод Духа Святого, иначе: суть духовной жизни – любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость и – воздержание. Обратите внимание: не плоды, а плод. То есть все девять составляющих есть единая сущность, каждая может восприниматься только в комплексе со всеми другими. Если у вас есть воздержание, но нет при этом любви с Богом, с ближними, с самим собою, если у вас нет при этом радости, кротости, милосердия, благодати, веры нету, то все ваше воздержание – пустой звук, медь звенящая и кимвал звучащий. Мы не должны маргинализировать ни один

элемент духовной жизни. Апостол называет воздержание очень интересным греческим словом. Энкратия. То есть самоограничение, что сродни такому понятию, как самообеспечение. Поэтому часто апостол чередует воздержание – энкратию – с другим – автаркия. Опора на собственные силы.

– Можно сказать, что и воздержание в посте есть тоже опора на собственные силы, то есть на внутренние возможности своего организма?

– Конечно, но это только одна из граней воздержания. У самого Павла ничего, кроме плаща и книг, своего не было. Воздержание – это добровольное самоограничение.

– Следовательно, оно не может ущемлять свободу, поскольку само по себе уже есть выражение свободы. Но насколько вообще широко это понятие?

– Апостол, а затем через триста лет после него Василий Великий рассматривали воздержание в двух ипостасях. Первая, так сказать «широкая»: воздержание от похоти плоти – чревоугодия и блуда, от похоти очес – сребролюбия, любостяжания, и – воздержание от тщеславия и гордыни. Сюда включена вся жизнь человека – духовная, душевная, телесная. Вторая, «узкая» ипостась, о которой говорил блаженный Августин, это воздержание от похоти плоти, что он не смог отнести к своим подвигам. В первом случае мы стремимся подчинить тело духу и душе и таким образом стяжать христианские добродетели. Первая ипостась воздержания – постоянна, потому что и пороки, и добродетели у человека всегда одни и те же. Вторая – от похоти плоти – эволюционирует и отдана свободной воле человека. Этот вид воздержания – как бы форма, которая изменяется в зависимости от исторических и прочих условий, объективных и субъективных.

– Применительно к отдельно взятому человеку это понятно. Но тогда этот принцип должен распространяться и на Церковь в целом.

– А так оно и есть. В 1830 году в Москве свирепствовала холера, и святитель Филарет (Дроздов) постановил своим указом одиннадцать дней Рождественского поста служить великопостным чином, который предусматри-

вал сугубое пощение, то есть поется Аллилуйя, читаются великопостные Часы, полагаются земные поклоны с молитвой Ефрема Сирина. Это дни поминовения так называемых малых пророков – Авдия, Аггея, Аввакума и других. После блаженной кончины Святителя эта практика была забыта. Хотя даже на Поместном соборе 1917 года говорилось о том, что ее надо бы возобновить. Ригористичность, твердость снижается. Воздержание, которое было предусмотрено Уставом, Типиконом, постепенно забывается. Другой пример. В дореволюционной России было принято причащаться четыре раза в году – постами и еще в День ангела. А в Болгарской Церкви так практикуется до сих пор. Хотя еще в начале XX века Иоанн Кронштадтский призывал причащаться как можно чаще.

– Здесь, насколько я понимаю, речь все же идет о взаимодействии духа с плотью.

– Совершенно верно. Оно зависит сугубо от человека и потому может меняться во времени и в пространстве.

– А что можно сказать о воздержании или невоздержании в том, что связано не с плотью, не с физиологией, но только с областью духа?

– То же, что и о свободе. Воздержание и свобода очень тесно переплетены между собой. Это не два ствола, растущие из одного корня, а куда более сложный симбиоз. И вновь нам не уйти от апостола Павла, который рассматривает свободу также в двух смыслах. Свобода от греха и свобода, которая более относится к свободе мысли, к свободе слова, к дерзновению. Первая ипостась свободы никогда не подвергается никаким соблазнам модификации, ибо, повторюсь, все добродетели и грехи от Адама и Евы одни и те же. Вторая – постоянно эволюционирует. Но обе есть лишь средства для достижения цели – «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6: 33).

– Но современный мир стремится направить человека как раз в противоположную сторону.

– Так было всегда. Вспомните: за две тысячи лет до Рождества Христова Авраам получил завет обетования. Погречески – эпангелия, приказ. Верь в Меня, в единого Бога твоего. Это была

суть. А она уже предусматривала форму, в которую завет должен был быть облечен. Эта форма – свобода Авраама не принимать других богов. Проходит пятьсот лет, и на горе Синай Моисей получает другой Завет. Суть остается – вера в единого Бога, но форма меняется: второй, он же Ветхий Завет, – это уже 613 заповедей. Не только тот декалог, который мы знаем, это 365 запретов – не делай того-то и того-то, и 248 императивов – делай то-то и то-то. Если раньше, во времена Авраама, нужно было отвергать всех чужих богов, то сейчас, при Моисее, следует строго и дословно исполнять дела Закона. Это, по сути, есть закон о воздержании.

– Как бы воздержание в чистом виде?

– Если хотите.

– Но что происходит потом? Эскалация воздержания или, напротив, убыль?

– Судите сами. Через полторы тысячи лет после Моисея на землю приходит Господь, Иисус Христос. И Он дает нам Новый Завет. В нем главное – что и в первом, и во втором заветах, – вера в Бога. А форма, то есть в чем заключается воздержание? И тут мы встречаемся с интереснейшим феноменом. Апостол Павел, не противопоставляя, а сопоставляя Ветхий и Новый Заветы, чтя Ветхий Завет, говорит, что Новый – благодатнее. Потому что исполнитель Закона есть Сам Христос. Это значит, что мы, по человечески не в силах исполнить Закон, можем сделать это, живя во Христе. Новый Завет, имея своим содержанием по-прежнему веру, в своей форме сопрягается со свободой. Значит: где Господь – там свобода.

– Но Господь был всегда. Почему же в Ветхом Завете от Него исходят сплошь запреты, а в Завете Новом – поощения? Я бы сказал, что алгоритм Ветхого Завета – слово «нет», а Нового – «да».

– Это как раз говорит, выражаясь современным языком, о неформальном отношении Бога к человечеству, так же, как к каждому человеку отдельно. Кто, когда и на что способен. Если, допустим, больной диабетом не может поститься перед причастием, он вкушает пищу как лекарство. Вот такая aberrация воздержания. Во второй половине прошлого века были монахи, я знал та-

ких лично, которые в силу различных причин вообще не могли говеть. И ели мясо даже в Великий пост.

– **И это им не вменялось во грех.**

– Не вменялось. Больше того, это нисколько не ущемляло ни личной свободы живущего во Христе, ни свободы Церкви с ее канонами и прещениями.

– **Но вместить такое может далеко не каждый даже из верующих. Свобода – понятие тоже не абсолютное.**

– В том-то и дело! Я с этого начал. Потому и пути у каждого человека разные. Нельзя одним шаблоном измерять возможности каждого. Каждый несет свой крест, каждый идет своим путем. Но сходятся все в одной точке – в Царстве Божиим.

– **Можно так сказать: воздержание – это сосуд, а свобода, которая в него вливается, принимает форму этого сосуда?**

– Конечно, можно так сказать. Откуда пришло к нам: где Дух Господень – там свобода? Святые отцы и святители Церкви, а до них и античные философы призывали: познай самого себя, по-гречески – гносизэ сэ авту. Для чего? Чтобы достичь главной цели земной жизни – не грешить. Если человек не познает себя, он не сможет раскрыть сердце во всей глубине и полноте. Если человек еще далек от самоанализа, самопознания, от бодрствования, от внимания к нюансам движения своей души, динамики своего духовного роста, он не может воспользоваться дарованной ему свободой.

– **Иными словами, познай себя, свои немощи – и вовек не согрешишь. Но познание себя будет полезно, если человек хочет не грешить.**

– Конечно. И вновь мы о свободе и воздержании. Если их ошибочно рассматривать как самоцель, как нечто самодовлеющее, можно дойти до абсурда. Недавно я услышал, что в одной верующей семье во время поста не кормили молоком младенца.

– **Вряд ли можно таким путем вырастить из него Сергия Радонежского.**

– Вот именно! В этом случае воздержание сродни убийству. Проповедь царя Давида начинается именно призывом к воздержанию. Первый псалом: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и

на седалище губителей не седе...». Не ходи на совет нечестивых и на путь грешников не становись. Хочешь быть в Господе – прояви воздержание, но каждый – своей мерой. Иначе одному оно может стать путем восхождения, а другому – дорогой в психиатрическую больницу. Или на кладбище. Я знал таких людей, которые пытались поститься и в конце концов оказывались в лечебнице. Воздержание зависит от степени духовной, душевной и телесной зрелости. От духовного возраста, от душевности, от уклада жизни и, повторюсь, от здоровья.

– **Сегодня мир, не христианский, а секулярный, которого большинство, сошел с ума на этих свободах и правах человека, на своей самости. Воздержание от гнева, осуждения, зависти... – разве это ущемление свободы?**

– Вопрос риторический. Вы произнесли слово «сегодня». Но нет ничего нового под солнцем. Ничего! Большая часть моей жизни пришлась на XX век. Могу положить руку на сердце, сказать: все, что происходит сейчас, и все, что происходило тогда, по сути одно и то же.

– **Вопрос только формы происходящего.**

– Совершенно справедливо. Только формы. Она эволюционирует, это да. Но сущность неизменна. И по-прежнему вопрос вопросов – приятие Бога или отвержение Его. Середины нет. Я не устаю говорить своим прихожанам: не то, что входит в уста, оскверняет человека, помните, откуда это? Все, что мы получаем от Бога, – пища, режим и уклад жизни, всякое творение Божие добро зело и непредосудительно. Если принимается с благодарением и освящается молитвой. Святитель Афанасий (Сахаров) полжизни провел в ГУЛАГе. Желая дополнительно унижить священников, там Великим постом их специально кормили скоромной пищей. Священники не отказывались – чтобы не умереть. И говорили при этом: «Господи! Преврати пороса в карася». Когда Антоний Великий после сорокадневного поста возвращался к себе в монастырь, проходя мимо оазиса, встретил крестьянина-феллаха. И тот, увидев отощавшего монаха, восскорбел душой, зарезал и зажарил своего

единственного поросенка. Антоний Великий сказал: «Господи, прости меня. Но легче согрешить пред Тобою, чем пред человеком. Если я согрешу пред Тобою, я принесу плоды, достойные покаяния, и Ты меня простишь. А если согрешу пред человеком, он уйдет от Тебя навсегда». И пост, и воздержание, и молитва, и поклоны, и бдение – это все костыли, инструменты, средства, орудия для достижения главной цели. Ищите прежде Царства Небесного и правды Его, живите в любви. А любовь – не эрос, это агапи, подвиг самоотвержения.

– **Это вообще очень интересная тема. Любовь. Но она требует отдельного разговора. Может быть, мы как-нибудь встретимся с вами?**

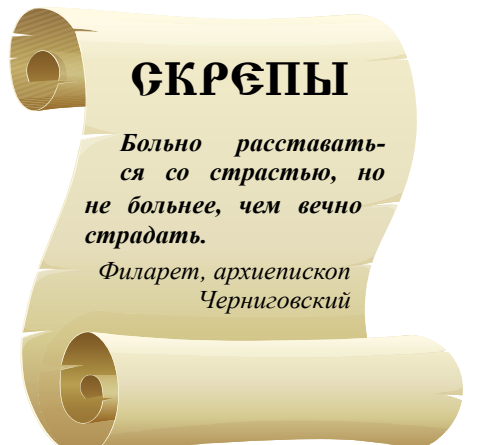
– Охотно.

– **Наверное, и со свободой нужно обращаться так же осторожно и аккуратно, как с воздержанием?**

– Еще бы! Здесь можно такого наворотить!.. Потому Господь и не требует от нас паче наших сил. Каждый пользуется и свободой, и воздержанием в меру своих возможностей. Возможность делать все, что заблагорассудится, – не свобода. Потому что это вне Бога. А без Бога свобода невозможна. И в довершение напомним слова Христа: милости хочу, а не жертвы. Господь дарует нам и свободу, и воздержание как свои милости. Значит, мы должны ответить Ему тем же.

– **Человек оказывает милость Богу... Звучит не очень привычно. Хотя... разве нормальные люди не должны оказывать милость своим родителям? Благодарю вас, батюшка!**

– Спаси вас Господь.

ОКРЕПЫ

Больно расставаться со страстью, но не больнее, чем вечно страдать.

Филарет, архиепископ Черниговский

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Священник Роман Мишин, духовный руководитель скаутов (архиепископия Православных Русских Церквей в Западной Европе)</i></p>	<p><i>Борис Борисович Галкин, 44 года, консультант</i></p>	<p><i>Надежда Борискина, 40 лет, юрист</i></p>
<p>Видите ли вы связь между обязанностями и воздержанием? Если да, то в чем она?</p>	 <p>Конечно, такая связь есть. На мой взгляд, воздержание является нашей обязанностью по отношению к внутреннему состоянию, и если обязанности не соответствуют духовному воздержанию, то необходимо делать однозначный выбор в пользу Христа.</p>	 <p>Несомненно, связь есть между обязанностями и воздержанием, но только если обязанности – это кровь, а воздержание – воздух для человека, а связь между ними – как тело у человека. Это единое целое.</p>	 <p>Здесь прямая связь. Воздержание в принципе есть обязанность.</p>
<p>Считаете ли вы воздержание полезным принципом жизни?</p>	<p>Не просто полезным, но душе-спасительным, поскольку иначе начинается деградация человеческой природы. Если она не ущемляется собственной волей, в результате мы имеем стремление к обществу потребления.</p>	<p>Воздержание, естественно, полезный принцип жизни. После любви и терпения воздержание стоит на очень важном месте для человека.</p>	<p>Смотря для кого. Я считаю, что полезно.</p>
<p>Когда вы чувствуете себя свободнее – сдерживаясь или не отказывая себе ни в чем?</p>	<p>Сдерживаясь. С точки зрения христианской, свобода может быть только одна – свобода от греха. Следовательно, воздержание от него наиболее полно проявляет в человеке свободу.</p>	<p>Чувствую я себя лучше, когда сдерживаюсь.</p>	<p>Не отказывая себе ни в чем.</p>
<p>От чего вам труднее воздерживаться – от духовных или от телесных искушений?</p>	<p>Мне кажется, трудность равнозначна, потому что борьба с плотским может оказаться такой невыносимой, что не сможешь обрести мира внутреннего. То же можно сказать и о противоположной ситуации.</p>	<p>Их нельзя разделить. От духовных искушений проистекают телесные. Воздерживаться одинаково трудно и от тех, и от других, потому что помыслов гораздо больше, чем телесных искушений и с ними справляться труднее.</p>	<p>От духовных.</p>
<p>Как вы расцениваете призыв: «Бери от жизни все»?</p>	<p>Это призыв, который ведет к смерти. Бери от жизни все – это значит используй жизнь как можно быстрее, чтобы умереть, чтобы ощутить состояние небытия.</p>	<p>Как можно расценивать? Он просто противен для любого верующего христианина, потому что призыв «Бери от жизни все» – это сатанинский лозунг.</p>	<p>Затрудняюсь ответить.</p>

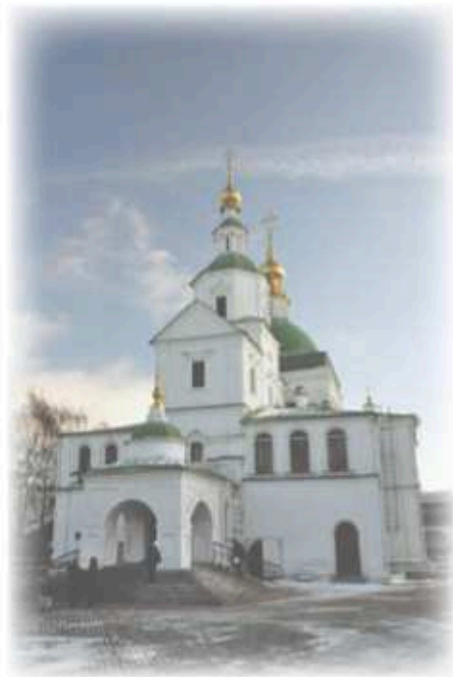
ОГРАНИЧИВАЕТ ЛИ ВОЗДЕРЖАНИЕ СВОБОДУ?

Анкета «Лампады»

<p><u>Валерий Яковлевич</u> <u>Нуждаев,</u> 62 года, фотограф</p>	<p><u>Алексей,</u> 50 лет, журналист</p>	<p><u>Ксения,</u> 42 года, инженер</p>	<p><u>Андрей Владиславович</u> <u>Третьяков,</u> 34 года, преподаватель вуза</p>
		<p>фотографироваться отказалась</p>	
<p>Связь между ними, конечно, есть, но они могут пересекаться, а могут совсем не пересекаться. Например, служебные обязанности не имеют никакого отношения к воздержанию.</p>	<p>Не вижу. Воздержание является не обязанностью, а внутренней потребностью человека, который хочет воспитать душу свою для Царства Небесного. Обязанности связаны с чувством долга.</p>	<p>Я считаю, что если отказаться от воздержания – это будет очень сильно мешать выполнению обязанностей, будет отвлекать. Воздержание способствует лучшему исполнению обязанностей.</p>	<p>На мой взгляд, исполнение обязанностей, которые есть у каждого, невозможно без воздержания.</p>
<p>Воздержание – это образ, тот образ, который должен иметь каждый христианин. Для него в данном случае воздержание – это обязанность.</p>	<p>В чем-то да, а в чем-то и нет. Например, любовь, радость. Как можно воздерживаться, когда ты счастлив? Воздержание полезно, если для здоровья необходимо себя чем-то ограничивать.</p>	<p>Да, конечно. Невоздержанность губит, очень многих сгубила.</p>	<p>Безусловно, да.</p>
<p>Когда сдерживаешься, намного свободнее себя чувствуешь. Тот, кто себе ни в чем не отказывает, пресыщается, наступает уныние и все прочее, связанное с этим.</p>	<p>Свободнее я себя чувствую, когда сдерживаюсь.</p>	<p>Сдерживаясь. Когда начинаешь не отказывать себе ни в чем, постепенно чувствуешь, что страсть, которую ты не сдерживаешь, начинает тебя порабощать.</p>	<p>Когда воздерживаюсь. Чтобы делать добро, человеку приходится себя в чем-то сдерживать, потому что природа человеческая, поврежденная грехом, может побуждать его к деланию зла.</p>
<p>Конечно, от духовных. Они настолько сильные, что даже можно потерять рассудок. А с телесными можно легко справиться, если есть воля и желание.</p>	<p>Конечно, от духовных. Их труднее контролировать, они невидимы, никак не ощутимы, кроме как твоим сознанием, твоей душой. Телесные искушения – это все же вторично.</p>	<p>От духовных искушений воздерживаться сложнее.</p>	<p>И то, и другое – нелегкое дело. Самому человеку без помощи Божьей это невозможно.</p>
<p>Это призыв тех, кто хочет власти над людьми. На самом деле это призыв: иди туда, куда мы тебя зовем, а точнее – в лапы того, к кому мы не хотим идти.</p>	<p>Отрицательно. Душа заболевает, жизнь нацелена на потребительство. Человек только гребет под себя. Становится «черной дырой».</p>	<p>Наглое вранье. Фактически призыв к бандитизму.</p>	<p>Человек, который гонится за материальным в ущерб духовному, предпочитает менее значимое более значимому.</p>

Желания неумемны, а возможности имеют предел. Первого следует опасаться, о втором – не забывать

– Кто-то из Свято-Данилова монастыря увидел, как мы кормим бездомных. Рассказал об этом отцу келарю, и отец Феогност предложил нам вместе помогать бездомным. У них вокруг обители собиралось много такого люда, и они порой вели себя просто непотребно. Монастырь по-прежнему будет готовить еду, а вот кормить их хорошо бы у нас, возле Курского. Так началось наше сотрудничество со Свято-Даниловым монастырем. Три года мы занимались этим. А когда на моей основной работе дела пошатнулись, я стал искать другое место. И как-то спросил отца келаря, можно сказать, почти в шутку: вам случайно шеф-повар не нужен? И в ответ: «Мы давно его ищем!».

– Что значит вовремя залатать вопрос!

– Вот именно! И вот я уже здесь пять лет. И мы продолжаем, как и прежде, кормить бесприютных. И своих сотрудников сколько еще человек в день проходит.

– У вас есть какая-то профессиональная подготовка или все пришло через опыт?

– Еще в восьмом классе я начал подрабатывать в ресторане помощником повара. А после школы пошел в училище.

– Кулинарный техникум?

– Вроде того. Профессионально-техническое училище №165. Отличное училище. Теперь это, к сожалению, колледж, и профессию преподают, на мой взгляд, не так фундаментально, как в советское время. А тогда какие только предметы нам не преподавали. И главное, была прекрасная профессиональная подготовка. В ПТУ давали

Есть такое православное общественное движение – «Курский вокзал. Бездомные дети». Ему уже восьмой год. Добровольцы кормят, одевают беспризорных, кому-то помогают вернуться под родной кров или найти новый. Внутри движения возникла организация «Дом на пути», которая занимается взрослыми. Этот сюжет не связан с темой номера, но имеет прямое отношение к моему собеседнику Олегу Ольхову. В 2006 году он работал шеф-поваром в кафе напротив Курского вокзала. Увидел, что на площади толпятся бесприютные люди, и сразу присоединился к тем, кто им готовит пищу и кормит. А ведь мог воздержаться. Но его свобода подсказала, как поступить. И я включаю диктофон...

Навел Демидов

настоящую профессию! Ну а потом опыт. У меня уже сколько лет? Двадцать пять.

– По вашей комплекции не скажешь, что у вас такой стаж. Обычно повара...

– Стараюсь следить за собой. Не позволяю распускаться.

– А такая опасность есть?

– Еще какая! У нас знаете какой круговорот? По пятьсот человек в день кормим. Часто пробуешь пищу. Нерегулярно питаешься сам. Все как-то урывками... Не поел нормально, а калорий уже набрал. Хотя, казалось бы, при плите, при еде...

– Так что тема нашего разговора – воздержание – вам близка.

– Конечно.

– По мне хотелось бы выйти за гастрономические рамки. Ограничивает ли воздержание свободу? Хотелось бы посмотреть на это с духовной, а не с физиологической стороны. Воздержание и свобода – казалось бы, понятия-антагонисты. Но вот вопрос: когда человек чувствует себя более свободным – когда он отвязан и может делать все, что взбредет на ум, и он только тем и занят, что ищет, чего бы еще поделаться или пожелать, или когда он живет внутри какой-то системы координат и внутри этой системы он полностью свободен?

– Когда человек ищет удовольствия, и подчинен только этому поиску, и прикладывает к этому все свои усилия, он неизбежно начинает этому служить. Кто кому служит, тот тому и раб. Такой человек уже ни о чем другом думать не может.

– А так ли надо человеку себя ограничивать?

– Тут, мне кажется, важно определиться с целями. Ограничение ради ограничения лично мне представляется занятием, лишним смыслом.

– Целевая направленность, настойчивое действие – и лишено смысла? Поясните.

– Такое поведение сродни параноии. Оно – как навязчивый бред. Думаю, что у психически нормального человека такое невозможно. Цель есть всегда. Вопрос в том, благая она или губительная.

– Благая цель – это спасение души, так?

– Именно так.

– Но у неверующего человека такого вопроса нет. Он просто не в состоянии думать о жизни вечной. Для него все кончается со смертью.

– Когда-то и мне было знакомо такое. К счастью, это знание – непременно возьмите в кавычки – это «знание» для меня в прошлом. В безвозвратном прошлом. В моей нынешней жизни, я имею в виду – в жизни с Богом, воздержание в широком смысле, как состояние, не обременяет меня никаким образом. Меня не тяготят отдельные, частные ограничения, потому что я понимаю такое воздержание как принцип существования, как основу отношения к себе и к миру. Я не чувствую себя ущемленным, и прежде всего – не чувствую себя ущемленным в свободе.

– Но так было не всегда?

– Конечно! Если бы я в свое время не пришел к Богу, точнее – если бы Бог не при-

вел меня к Себе, не знаю, как сложилась бы моя линия жизни.

– Но это тоже произошло не вдруг? Я имею в виду ваше нынешнее состояние.

– Совсем не вдруг. Думаю, что я – не исключение. Когда человек начинает себя ограничивать, поначалу ему приходится трудно. Но постепенно вырабатывается определенный стиль жизни...

– А в чем, по-вашему, человеку следует себя ограничивать?

– Да практически во всем! Все, что делается без меры или хотя бы сверх нее, не приводит ни к чему хорошему.

– Даже любовь?

– Даже любовь. Проявление ее тоже должно иметь меру.

– То есть и в любви должно быть воздержание?

– Не в чувстве. В его проявлении.

– Думаю, с вами согласятся далеко не все.

– Что поделать... Не все согласятся и с такой формулой: чем меньше желаний, тем больше свободы.

– А для чего вообще она нужна, эта свобода? Особенно если нет желаний?

– Вы считаете, свобода нужна для их удовлетворения? Свобода нужна для общения с Богом.

– Вы имеете в виду свободное время? Значит, раб не может общаться с Богом?

– Я имею в виду внутреннюю свободу, которая может быть и у самого последнего раба. Свободу от тех устремлений, которые мы обычно называем на исповеди. Когда они овладевают нами, то не остается ни времени, ни места для Бога.

– А если человек неверующий? Как тогда? Или, как говорят американцы, это его проблемы?

– Знаете, в этом я с ними, пожалуй, согласен. Можно, конечно, использовать свою свободу для саморазвития – спорт, книги, театр, путешествия... В этом случае мы ставим Бога в один ряд с теми же турпоездками или, скажем, шахматами. Но Бога недопустимо сравнивать ни с кем и ни с чем. Жизнь с Богом, жизнь в Боге – это одна ипостась бытия, а жизнь без Него – это, повторюсь, жизнь без Него, и ничего более.

– Наша жизнь не может проходить без ограничений. Это – аксиома. Скажите, Олег, лично вы больше ощущаете ограничения внешние, те, которые предъявляет вам общество, государство, устав церковной жизни? Или внутренние, собственные, личные?

– Я сам себя ограничиваю, воздерживаю себя. Это в первую очередь и главным образом. Кстати, не могу сказать, что страдаю от этого. Если в человеке достаточно дееспособен его внутренний тормоз, тогда нет особой нужды и во внешних ограничениях. То, чем я занимаюсь, очень хорошо

иллюстрирует мою мысль. Я постоянно нахожусь в окружении кастрюль, сковородок, различных запахов и вкусов, и я – не сторонний наблюдатель, а непосредственный участник процесса. Притом, учтите, меня никто ни в чем не ограничивает, ничего не запрещает. Представляете, что было бы со мной, не будь во мне этого стержня – воздержания? Никакой философской глубины во всем этом нет, пример, что называется, лежит на поверхности и очень знаком многим. Но его можно перенести в любую сферу жизни, говоря языком математики, экстраполировать на все, что угодно. Так что я прекрасно обхожусь своим внутренним воздержанием.

– В этом случае больше, на ваш взгляд, влияние объективных факторов, назовем их физиологическими, когда с возрастом страсти начинают угасать, жизнь становится размереннее и спокойнее, или субъективных, то есть идущих от понимания необходимости воздержания?

– Думаю, имеет место и то, и другое. Лично для меня решающий фактор – это понимание, осознание. О физиологической стороне... еще не знаю. Возраст пока не напоминает о себе.

– Да, вы достаточно молоды. Ваша жизнь с Богом давно началась?

– Могу точно сказать: десять лет назад.

Игумен отец Иона

Переплетчики книг

– До этого вы были обычным мирским человеком, неверующим...

– Условно-верующим.

– Интересная классификация. Пусть условно-верующим. Это значит, вы знали, что «где-то что-то есть», так?

– Я знал даже больше. Знал, что есть не «что-то», а Бог.

– И что с Ним шутить не надо.

– Ни в коем случае!

– А почему вы это знали?

– У меня в жизни было два случая, когда я буквально взмолился: «Господи, спаси и помоги!». И Он услышал меня. Конечно, я был Ему благодарен, но не считал нужным проявлять это. То есть жил по принципу: Бог нужен, когда припрет. Собственно, так жили многие.

– К сожалению, и сейчас живут. А ваши родители? Это они привили вам, что Бог есть?

– Мои родители – из крестьян: отец родился в Орловской губернии, мама – на Рязанщине. Еще маленькими их увезли из родных мест. Так они крестьянами и не стали: отец окончил училище гражданской авиации, специалист радиомонтажа, у мамы несколько профессий, в том числе – повара...

– Так что вы – кулинар во втором поколении.

– Вроде того. Я хотел сказать о другом. Хотя они и превратились в горожан, крестьянских корней не утратили. Деревенский уклад жизни, как у многих, подобных им, сохранялся долго.

– И воскресные службы, и иконы в красном углу...

– А вот назвать верующими я их не могу. Правда, всех своих детей крестили, несмотря ни на что. Семья наша всегда была благочестивой, и теперь я понимаю, что под этим благочестием, пусть и неосознанный, лежал все же христианский фундамент. Если так можно сказать, еще дореволюционной кладки, идущей от предков. В этом вообще, наверное, причина того, что мы как народ все еще живы. Наша нынешняя жизнь устроена таким образом, что человек подвергается постоянным и величайшим искушениям. Еще двадцать лет назад никакая фантазия не могла бы такого придумать.

– Вы считаете, появилось много нового на невидимом фронте темных сил бесплотных?

– Искушения во все времена были одни и те же, я имею в виду: в своей сути. Когда мы готовимся к исповеди и вспоминаем свои грехи за какое-то там время, они ведь практически одни и те же. Старцы и подвижники веры еще много веков назад обо-

значили грехи, которыми страдают люди. И ни один из них, к сожалению, морально не устарел с тех пор! Искушения, страсти проявляются в новых формах, но на то человечество и «прогрессирует».

– То есть вы не склонны разделить такую точку зрения, что есть, мол, в человеческом сообществе силы, которые сознательно губят людей, выстраивают специальную систему...

– Систему погубления людей?.. Не знаю. Не буду ни утверждать, ни отрицать. Возможно, это и есть. Но я глубоко уверен: если человек... как это у Пушкина?.. «сам обманываться рад», никакие особые внешние силы и не нужны, чтобы скатиться в пропасть.

– А вы не допускаете, что для этого человеку не всегда обязательно иметь удобоуполномоченные ко греху? Что порой это может быть просто любопытство?

– Отчего же? Вполне допускаю. Это может быть так называемый «спортивный интерес». Но сколько молодых людей стали наркоманами именно из-за любопытства! Покурю, мол, или кольнусь разок, чтобы узнать, что это такое... Коготок увяз – всей птичке пропасть. Но нельзя сказать, что были времена, когда этого не было. И десять, и двадцать, и триста веков назад люди клали свои жизни на алтарь чувственных

ХРОНИКИ ОБИТЕЛИ, КАКИМИ ИХ УВИДЕЛ ФОТОХУДОЖНИК

Трутник Миша

Просфорники

удовольствий, или стяжательства, или славолюбия...

– Вы ощущаете на себе какое-то воздействие внешнего мира? Если да, то насколько оно сильно? Понятно, речь идет все о том же, об искушениях.

– Могу отметить одно: за последнее время появилось много людей, духовно не устроенных. Здесь, в монастыре, это особенно заметно, я имею в виду не братию, а прихожан. Атмосфера недоверия, напряженности, враждебности ощущается чуть ли не физически. Порой доходит даже до драк, причем по самому ничтожному поводу – толкнул кто-то кого, слово сказал... Влияет ли это на меня? Возможно. Но я как-то, знаете, стараюсь не впускать в себя. Камень стоит посреди реки, а вода его обмывает и уходит дальше. Я не сравниваю себя, я не такой незыблемый. Особенно раньше... Раньше все же было по-другому.

– В советское время? Тогда общество хоть и было атеистическим, но в нем не заглохли некоторые христианские мотивы. То ли это произошло от того, что прошло еще не очень много времени после революции... Хотя в начале прошлого века российское общество уже было достаточно дехристианизированно... То ли по какой другой причине... Я много об этом думал. Я не идеализирую то время, но...

– Я тоже далек от идеализации, но – именно но! – уклад жизни людей был во многом близок к христианскому. Что ни говорите, а корни еще оставались.

– Что же получается? Говорят, что советское общество было обществом закрытое, несвободное. Так считают во всем мире. Сегодня эта точка зрения популярна и у нас, в России. Но получается, что в нравственном отношении советская несвобода была чище, полезнее для человека, чем нынешняя свобода?

– Не берусь судить обо всем обществе. Скажу о себе. У меня было счастливое советское детство. Мы ни в чем не нуждались. Но не потому, что у нас всего было в избытке. У нас просто не было нынешних воцелений. Ведь потребности всегда очень субъективны. Я не имею в виду так называемые базовые потребности, вызываемые голодом, жаждой и так далее. Мы не испытывали тревоги ни за сегодняшний, ни за завтрашний день. Люди вокруг были настроены дружелюбно. Да, не было такого изобилия, как сейчас, но питание было более полезным и менее разнообразным, что, может быть, и к лучшему. Самое главное – не было этого безудержного стремления к потреблению. А сейчас детям – пиво? Пожалуйста! Сигареты? Сколько угодно! Начинаем с этим бороться, но какой встречаем отпор!

– Зато живем в свободном обществе, исповедуем либеральные ценности.

– Но если сейчас не обозначить на этом пути границы, потом будет поздно. И так надо во всем, вплоть до того, чтобы не проходить мимо грубого поведения на улице.

– Вы не находите, что стало легче, свободнее и проще проявлять какие-то негативные чувства и совершать поступки. А хорошие, добрые чувства – сложнее и даже опасно. Скажем, остановишь подростка – можешь нарваться на хамство или на кулак. Ласково обратишься к ребенку – обвинят в педофилии. Как, откуда это берется? Конечно, все можно валить на «глетворное влияние Запада». Ну а мы-то сами где?

– Я бы сказал, что причина в том, что сломан фундамент.

– Фундамент?

– Фундамент веры. Когда общество было религиозным, патриархальным, в нем четко разграничивались понятия добра и зла, хорошего и дурного. Под силу ли остановить наполняющий нашу жизнь хаос? Процесс набрал такие обороты, что не знаю... не знаю. Если бы основы не были разрушены, многое, наверное, можно было бы восстановить. А так... Культ потребления поглощает людей, не давая им опомниться, осознать, что с ними происходит.

(ОН ЖЕ ПРОСФОРНИК В СВЯТО-ДАНИЛОВОМ МОНАСТЫРЕ) ИВАН ЖУК

В подвале трапезной

Послушник Игорь

Мир обезумел. И на чем? На потреблении! Что может быть бессмысленнее? На что уходит жизнь...

– Меня поражает, как легко мы на этом сломались.

– Я бы не сказал, что легко. Мне кажется, еще есть силы противостоять. Шансы у нас есть.

– Шансы-то есть, но лично меня, например, пугает эта бесконечная жажда денег. Все на деньги, за деньги, все измеряется деньгами. Вы говорили о фундаменте. Фундамент действительно необходим. Для материального здания он нужен из бетона или кирпича. Для храма духовного – духовный фундамент. Их нельзя менять местами, как это происходит сейчас в мире. И потому, повторюсь, свобода реально возможна тогда, когда есть четкие и определенные правила. Правила жизни.

– Внешние правила дают внутреннюю свободу. А это возможно при условии, что есть вера. Без веры, без Бога, без Христа, по-моему, вообще ничего невозможно. Кроме духовной смуты. Пример жизни Толстого ярко это подтверждает.

– Допустим, Олег, такую ситуацию. Вам можно делать абсолютно все! Все позволено, и никакой ответственности вы за это не будете нести. Как вы видите себя в таких условиях?

– Я помню себя, когда еще не был христианином. И помню, что мог наворотить такого!.. И я знаю, что мои страсти довели бы меня до самого плачевного конца. А когда в мою жизнь пришла вера, я понял, что могу освободиться из плена своих страстей, и понял, как это сделать. Другое дело, что получается не всегда, но я хотя бы знаю, к чему стремиться.

– То, что вы сейчас сказали, очень существенно. Без веры говорить всерьез о свободе – невозможно.

– Совершенно верно. Нет свободы без Бога. Потому что у человека нет третьего состояния: он или с Богом, или в рабстве сами знаете у кого. Значит, здесь – свобода, которой наделил меня Господь, а там – плен.

– У вас большая семья?

– Жена, сын и родители жены. Пять человек. Не много.

– Разумеется, все верующие.

– Как раз нет. Я и сын.

– Да ладно!

– Так оно и есть. Жена, само собой, крещена. От Бога не отворачивается, но к Таинствам не приступает.

– Однако под венцом с вами пошла.

– Больше того, это была ее инициатива. Мы с сыном ходим причащаться, она этому не препятствует и даже поощряет.

– Действительно, у каждого отношения с Богом свои, и это великая тайна – кто и как живет в вере. Но какие-нибудь сдвиги замечаете?

– Если раньше она ворчала: опять, мол, в храм, опять пост, сколько можно молиться... – сейчас относится к этому спокойно. Между ее родителями и мной тоже нет никаких трений на религиозной почве, хотя они далеки от Бога и от Церкви.

– Как вы говорите, условно-верующие. Сколько таких... У меня был близкий друг, коллега, он умер два года назад. Занимал крупные руководящие посты, естественно, был членом партии. Он – христианин по своей сути, и жизнь вел, можно сказать, христианскую. Много помогал, никогда не подличал, был близок к Церкви, занимался благотворительностью. Но шагнуть дальше, то есть прийти в храм, – не мог. Как тот офицер, который, однажды присягнув,

уже не может нарушить клятву. Когда он уже был при смерти, я привел к нему священника, он соборовался, причастился... Не знаю, в чем он думал тогда. После очередного инсульта у него отнялась речь. Господь словно замкнул его уста, как тому Симеону-богопримцу. Я так благодарен Господу за то, что Он в свое время помог мне сделать шаг, на который мой друг не отважился... А ведь я запросто мог оказаться в его положении. Как Господь перенес меня через эту пропасть?.. Но – перенес! И я вошел в веру, как в свою стихию. У вас, вероятно, такого опыта нет, хотя бы в силу возраста, но зато вы вон в каком семейном окружении находитесь.

– Я не могу сказать, что мне неудобно. У нас все хорошо, и всему, видимо, свое время. Пока ходим в храм вдвоем с сыном. Но я уверен: это – пока. Можно сказать, что я воздерживаюсь торопить события, чтобы не ущемлять ничью свободу, в том числе и свою.

– Вот мы и вернулись к нашей теме.

– А мы, по-моему, все время о ней говорим.

– Посмотрим, что скажут читатели. Когда выйдет этот номер, уже начнется Великий пост. Мы знаем, что это за пора. Что вы могли бы сказать в заключение?

– Христианину нужно быть на посту всегда. На посту воздержания.

– Помогите вам Господь.

Иеродиакон Михаил

Синтехники

Как бы не прожить впустую

Слово «свобода» — одно из самых важных слов в мире и в то же время одно из самых затертых. Политическая агитация и коммерческая реклама — все говорят о «свободе», причем часто это вызывает некоторое подозрение: а подлинная ли это свобода? Что же такое «свобода»? Как мы определяем это понятие?

Чаще всего имеется в виду свобода от внешних ограничений. Пес свободен, если он не на поводке. Птица свободна, если она не в клетке. Человек свободен, если он может делать то, что хочет, — политический гнет или нищета не лишают его этой возможности. Но внешняя свобода — это еще не все. Свободный человек — это нечто принципиально иное, чем свободный пес.

Приведу пример. Время от времени я встречаю людей характерно помятого вида, которые выпрашивают у прохожих мелочь — очевидно, чтобы насобирать денег на бутылку дешевого пива. Свободны ли эти люди? С точки зрения внешних ограничений — да. Их никто не заставляет вести столь жалкий образ жизни. Никто не принуждает унижаться и пить всякую отраву. Если бы заставляли какие-то враги, взявшие их в плен, мы бы поразились этой извращенной жестокости. Но это то, что люди делают с собой сами. Никто их не неволит. Если вы спросите у них, свободны ли они, они, скорее всего, скажут «да» — конечно, они свободны. Они делают, что хотят. А сейчас они больше всего хотят выпить.

И тем не менее они не свободны — просто цепи, в которых они содержатся, находятся внутри, это их болезненная страсть к спиртному. Как сказал один поэт, бывший наркоман: «Ты говоришь, что свободен, ты об этом кричишь, / Но ты зависишь от того, на чем ты торчишь». При этом сам человек не видит своей порабощенности — напротив, он упрекает в покушении на его свободу всех, кто пытается как-то помешать ему губить себя.

Ведь это его жизнь, его печень, его вены — он имеет право, отстаньте. Очень часто, увы, свобода, которой человек себе требует, — это возможность беспрепятственно губить себя.

Но мы понимаем, что это — не свобода. Почему? Потому что интуитивно осознаем, что человек не должен так жить. Он не должен проводить дни, выключившаяся дыня на очередную дозу спиртного или наркотиков, а потом умереть до срока. Человек предназначен для чего-то дру-

гого, но физиологическая зависимость лишает его этого.

Он мог бы стать великим поэтом, художником, изобретателем... Просто счастливым человеком, иметь семью, растить детей, восходить на вершины, плавать по морям. Стать кем-то, одним словом. Дурман лишает его этой возможности.

Свободен ли он делать то, что хочет? Но чего он хочет? В нем живут несомнимые желания — с одной стороны, он мучительно хочет выпить. С другой — внутри его не может не быть желания жить достойной, трезвой, созидательной жизнью. Мы знаем, что внутри нас, где-то глубоко под всеми нашими сиюминутными «хотелками», живет стремление к подлинной жизни, которое сделает нас по-настоящему счастливыми, если мы ему последуем. Трагический парадокс падшего человека в том и состоит, что он не свободен делать то, чего в глубине сердца хочет, и только из-за того, что прямо сейчас жаждет другого. Так наши желания мешают нам осуществить наше Желание.

В случае с наркоманией это трагически очевидно. Но есть и менее заметные трагедии: когда человек мог бы стать блестящим профессионалом — но ему помешала лень, счастливым семьянином — но ему помешал мелочный эгоизм, он мог бы совершить великие дела — но предпочел потратить свою жизнь на телевизор и игры.

Свобода — это возможность стать тем, к чему ты призван. И помешать тут могут не только внешние ограничения, хотя и они тоже. Больше всего мешают ограничения внутренние.

Но бывает так, что человек ставит себе цели и достигает того, к чему стремился, — он становится богатым, известным, процветающим и, несомненно, состоявшимся профессионально. Но при этом оказывается, что лестница, по которой он карабкался с таким трудом, оказалась приставлена не к той стене. Он рвался и добился — и что теперь? Известны случаи, когда человек, получивший все, что хотел, оказывался настолько несчастен, что совершал самоубийство.

Поэтому важно разобраться не только с тем, как добиться успеха, но и с тем, что же такое успех. Чего стоит, а чего не стоит добиваться от жизни.

Античному мудрецу Сократу принадлежат слова: «Непознанная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой». Сократ противопоставлял жизнь, проводимую как бы во сне, жизни, построенной на осознанном стремлении к истине. Зачем мы вообще живем? Куда мы держим наш жизненный путь? На что мы можем надеяться, и как мы должны поступать? Как, наконец, обрести подлинное счастье?

В наше время такие вопросы могут быть отслонены как «непрактичные» и «не имеющие отношения к реальной жизни». На самом деле только они и практичны. Если вы не определите, в чем цель вашей жизни, вы этой цели точно не достигнете. Жизненные планы имеет смысл строить, начиная с самого важного, — а потом уже решать, как этого добиться.

Древнегреческий мыслитель Аристотель в своем знаменитом труде «Никомахова этика» рассуждает о том, что мы делаем любое дело с определенной целью — чтобы добиться какого-то блага; при этом многие цели носят промежуточный, подчиненный характер. Возьмем, например, искусство ремесленника, который изготавливает конские сбруи: оно подчинено искусству наездничества, а то, в свою очередь, — военному делу. Многие

блага, которых мы добиваемся, желанны нам не сами по себе, а ради чего-то еще — например, люди зарабатывают деньги не ради самих денег, а ради того, что они могут на них купить. Но должна существовать, продолжает Аристотель, некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее. Эту цель философ называет «высшим благом», «аристон» по-гречески, или, в латинском варианте, вошедшем во многие позднейшие труды по философии, *summius bonum*.

В самом деле, приобретение профессии не является высшим благом — люди учатся ремеслу, чтобы зарабатывать деньги. Но деньги тоже не являются таким благом — они нужны только затем, чтобы покупать на них товары и услуги. Но являются ли эти товары и услуги высшим благом? Реклама пытается создать впечатление, что это так, и склоняет нас к тому, чтобы мы посвятили жизнь процессу зарабатывания и траты денег. Но новый компьютер, или даже автомобиль, или даже яхта — это явно не *summius bonum*, и довольно трудно представить себе человека, на смертном одре сокрушающегося о том, что он чего-то не купил.

Где же нам искать это высшее благо? Не поняв, в чем оно и в чем наше предназначение, для чего мы созданы, мы не поймем, что такое свобода. Ведь свобода — это возможность совершить что-то и стать кем-то, но разве мы ведаем, кем можем стать?

На этот счет есть разные точки зрения, и одну из них точно сформулировал покойный Стив Джобс: «Чем больше я общаюсь с людьми, тем больше я убеждаюсь в том, что в целом у них есть одна цель — стать самым богатым покойником на кладбище». Если прав атеизм, то конец всех наших мечтаний, планов, надежд и свершений один и тот же — закопают, допух вырастет. Слепые природные силы, которые случайно привели нас в бытие, так же случайно вычеркнут из него — навсегда.

Но есть и другой взгляд на жизнь. Мы созданы Богом, потому что он захотел видеть каждого из нас в Его мироздании. Мы созданы для вечной радости. И свобода — есть именно возможность обрести эту радость. Если мы выберем правильный путь в жизни, мы достигнем нашего подлинного дома, где нас ждет Господь и Его святые.

И вот для того чтобы войти в уютную вечную радость, мы должны глубоко измениться. Например, вы не можете сделать эгоистичного, чертового человека счастливым в любви — сначала

он должен стать другим. Даже Бог не может — сначала Он должен изменить этого человека. Чтобы стать своими в Царстве вечной любви и вечного ликования, мы должны стать другими, или, вернее, позволить Богу сделать нас другими.

Но мы должны этого захотеть, на это согласиться — потому что личность нельзя изменить без ее согласия — только сломать. А ломать нас Бог не собирается. Нам будет нелегко, а без помощи Божией — невозможно, но по-другому — никак.

Чтобы войти в Царство, его надо захотеть и — выбрать.

И тут оказывается, что свобода требует самоограничения. Как в том примере с алкоголиками — они не смогут обрести свободу для нормальной, здоровой жизни, пока не скажут «нет» спиртному. Человек не сможет обрести свободу сделать что-то значимое в своей жизни, пока не скажет «нет» лени. Мы не сможем обрести Царство, пока не скажем «нет» тому, что с ним несовместимо, — а именно греху.

В этом нет ничего непостижимого или даже специфически религиозного. Если вы хотите хоть чего-то добиться, вам придется ограничивать себя. Святой апостол Павел в Послании к Коринфянам (1 Кор. 9:25) сравнивает путь христианина с изнурительной тренировкой атлета: «Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы — нетленного». В самом деле, спортсмен прилагает огромные усилия к тому, чтобы взять приз, — он упорно тренируется, подвергает себя всяческим ограничениям, рано ложится и встает, сидит на диете — потому что у него есть цель.

У верующего цель — жизнь вечная; он стремится стать тем, кем Бог его замыслил, — благим, сияющим, бесконечно прекрасным и счастливым существом, святым. И идя к этой цели, он возрастает в подлинной свободе.

Монах, подчинивший свою жизнь строгой дисциплине, гораздо более свободен, чем прожигатель жизни. Дело в том, что грех — это не наличие, это — отсутствие. Искалеченность, душевное уродство. Гневливость — это отсутствие самоконтроля, блуд — это отсутствие верности, лень — это отсутствие усердия, и все вместе — отсутствие любви. Человек без ног не может бегать (хотя может при этом быть весьма достойным человеком). Он не свободен для этого. Гораздо в большей беде находится человек без любви, верности, долготерпения и добродетели вообще — он не свободен быть в полной мере человеком. Его не хватает на любовь, верность и преданность. Его бедная душа недоразвита — и поэтому примитивные порывы легко берут над ним верх.

Обретение свободы начинается со способности говорить «нет» каким-то своим импульсам — гневу, или алчности, или глумливой насмешливости, или мстительной злобности. Или даже лени.

Так мы становимся на путь духовного роста — на путь, который приведет нас к вечной радости, если мы с него не свернем. Мы становимся целостными личностями, способными принимать решения и придерживаться их. Мы делаемся, по благодати Божией, способны отказывать нашим минутным «хотелкам» ради нашего самого главного Желания. Мы делаемся свободны.

Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер: и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его.

Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю.

Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех.

Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю.

Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?

(Рим. 7:9–11, 15–17, 19, 24)

Апостол Павел

Русский колокол на Святой Земле

Мастерская Ильи Дроздыхина удостоилась самой высокой чести, которая может выпасть мастерам литья церковных колоколов. На колокольне храма Гроба Господня установлен колокол, отлитый специалистами из Москвы.

Набор колоколов Храма Воскресения Христова в Иерусалиме формировался постепенно. В основном их сюда привозили русские паломники. Самый большой, весом почти шесть тонн, был отлит на московском заводе Андрея Самгина в 1886 году на средства раба Божия Федора из России. Каждый колокол имеет свою историю, каждый – что-то доброе дело, чья-то молитва, ведь до революции пожертвовать кампан на Святую Землю считалось особенно почетным. И поныне здесь звучат замечательные благовестники – памятники мастерства русских литейщиков XVIII–XIX веков.

К сожалению, и колокола не вечны и со временем нуждаются в замене. Несколько лет назад разбился колокол, отлитый в начале XX века. Звучание ансамбля главного христианского храма стало неполным. В минувшем сентябре, по просьбе Иерусалимской патриархии, мастерская Ильи Дроздыхина обследовала колокола Храма Гроба Господня и греческой базилики Рождества Христова в Вифлееме. Стало ясно: нужно срочно улучшить звучание звонov Иерусалимского храма. Блаженнейший патриарх Феофил III удостоил этой высокой чести мастерскую Ильи Дроздыхина и благословил московских мастеров отлить новый кампан.

Новый колокол весом 70 килограммов отлит по старинной технологии с применением современных разработок опытных специалистов. Были изготовлены две фор-

У блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Феофила III – и.о. начальника Русской Духовной Миссии игумен Феофан (Лукьянов) и руководитель мастерской колокольного звона и Московской школы звонарей Илья Дроздыхин (верхний снимок); на нижнем снимке: еще немного – и голос из России вольется в ансамбль колоколов Храма Гроба Господня

**МАСТЕРСКАЯ
ИЛЬИ ДРОЗДЫХИНА**

8(495)724-84-15
Дроздыхин.рф

мы – внутренний стержень и внешняя модель. Особой заботой стало художественное оформление, выполненное в классическом стиле XVIII–XIX веков, – ведь новое изделие не должно было выделяться из сложившегося за два века ансамбля. По старой традиции, были нанесены цитата из Псалтири – «*Всякое дыхание да хвалит Господа*» и указаны вершители этого события – «*Отлит мастерской Ильи Дроздыхина в 2013 году*».

Секрет звучания русских колоколов заключается в уникальной геометрии профиля и безупречной металлургии. Колокола московских мастеров – громкие и мощные. Благодаря использованию только высококачественного сырья и высокому

мастерству литейщиков они отличаются особым «бархатистым» звучанием. Эта работа не составила исключения.

В ноябре 2013 года колокол был готов и отправился на постоянное место жительства. Новый кампан установили на колокольню вручную, без помощи специальной техники, как делалось на Святой Земле в XIX веке. Семь человек управились всего за час. Обновленный звон колоколов Храма Гроба Господня паломники со всего мира впервые услышали на праздник Рождества Христова 7 января 2014 года.

«Лампада» поздравляет мастеров Ильи Дроздыхина с достойным завершением важной и красивой работы. Помощи Божией вам в ваших делах!

И клирик, и лирик

Года два назад ко мне в храме пошла Ирина Алексеевна Корнилаева, до недавнего времени корректор «Лампады» (многолетний и отменный), и попросила не оставить без внимания бедствующее положение церкви во имя святого Димитрия Солунского в селе Средние Апочки в Курской области. Как можно не отозваться?! Но – чем? У журнала, который сам существует на пожертвования доброты, возможность одна – рассказать о храме читателям в надежде на их отзывчивость. Так появилась в «Лампаде» (№1–2012) первая заметка о храме и его настоятеле священнике Владимире Русине. Собственно, заметкой в строгом смысле ее не назвать: публикация сложилась из переписки редакции с батюшкой. А поскольку он оказался человеком, умеющим держать в руке перо да к тому же обладающим тонким юмором, достаточно было воспроизвести (разумеется, с его согласия) фрагменты нашей с ним интернет-переписки, чтобы читатель получил представление о жизни и делах батюшки из сельской глубинки и о тех проблемах, над которыми бьются он и его прихожане.

В третьем номере за тот же год мы напечатали заметку отца Владимира – своеобразный дневник деревенского священника в форме коротких новелл, и читатели очень тепло отозвались на эту публикацию. А уже в следующем номере батюшка «отчитался» о последствиях самой первой публикации. «В этом году, – писал он, – мы не надеялись и начать строительный сезон, но Господь не дал нам отчаяться. Честно говоря, я не рассчитывал на отклик: где Москва, а где Средние Апочки! И тут – нечаянная радость. Доброхоты, которых позвала “Лампада”, отыскались в Москве (рабы Божии Валентина и Ирина) и в республике Марий Эл (раба Божия Мария)».

Так, время от времени, отец Владимир извещал нас, а мы – читателей, как восстанавливается храм в Средних Апочках, что уже сделано, а что еще предстоит, что получается, а что – не очень, как дела в семье, словом, думаю, не погрешу против правды, сказав, что между нами завязалась дружба.

Совсем недавно отец Владимир прислал очередное письмо-отчет: «Мир! Посылки от вас получаем регулярно, за что очень благодарим. Библиотека наша значительно пополнилась. В Апочках мы все лето пробивали две маленькие дырочки в метровой стене храма, чтобы завести газ. Пробили. Я заработал растяжение десны. И вчера нам объявили о призовой игре. Теперь надо пробивать две больших дырки для вытяжки и вентиляции.

Боюсь, что и в этом году зимовать нам без тепла.

В самом селе – новая дорога и мост через речку Апочку суперсовременный. Обещают завтра заасфальтировать подъезд к храму. Приятно. На службе перед 1 сентября было 12 исповедников. Двоих ребят я крестил прошлым летом. В Кунье (соседнее село, где живет о. Владимир с семьей и где окормляет еще один храм. – Ред.) – яблоку негде было упасть. Соотношение 1 к 10. Наши дети пошли в первый класс. Тиша и Маша. Новые хлопоты. Привыкаю к статусу отца школьников. Стихи вновь начали писаться неожиданно. Сломался плеер с аудиокнигами в машине. А ездю много. Сначала дописал несколько старых заготовок. Потом новые пошли.

Поэтом себя не считаю. Ограничиваюсь малыми жанрами. А вот обещанный вам очерк о новомучениках так никак и не напишу.

Простите.

Ваш старый знакомый из Кунье и Средних Апочек».

А вот и сами «неожиданные» стихи батюшки. Как видите, он у нас не только клирик, но и лирик.

П. Демидов

Священник Владимир Русин

ПОКИДАЯ ОПТИНУ

Все никак не отпустит нас Оптина
 Пустынь,
 Хоть остался святой монастырь за спиной.
 Столько радости в сердце, что толика грусти
 Не влияет на общий душевный настрой.
 1999

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ИЗ ПУСТОГО В ПОРОЖНЕЕ

На всех парах – по бездорожью!
 Аж искры сыплются из глаз.
 А ну, увидь тут волю Божью,
 А ну, услышь тут Божий глас.

Ни зги! Ни шепота! Простое
 Мельканье лет, круженье зим.
 Мы из порожнего в пустое
 С утра до вечера спешим.

Мы ничего не успеваем,
 Зато – ужасно устаем.
 И если вдруг себя встречаем,
 Не узнаем.

2006

НЕКСТАТИ

Нахлынет вдохновение некстати.
 Но лень вставать с належающей кровати,

Менять свою перину на перо.

Оно пройдет.

Проходит.

Все. Прошло.

Не слышно даже совести сигнала.

Нет ничего теплее одеяла.

Лежу под ним, спокойный и пустой,
 Как будто труп под каменной плитой.

2011

ЗАВИСИМОСТЬ

Наши улучшается быт.

Дают товары в кредит.

«Быть или не быть?» –

для нас теперь

не вопрос.

Вся жизнь: то бонус, то приз.

Но вот... Компьютер завис!

И все насмарку!

Псу под хвост!

Под откос...

2011

ПОБЕДА МАСС-КУЛЬТУРЫ

Пестрой магией ширпотреб
 Гипермаркеты и лотки
 Захламляли дорогу в небо,
 Рвали радуу в лоскутки.
 Побеждала нас масс-культура,
 Расцепляла сознание масс.
 Умирала литература.
 Божий дар безвозвратно гас.
 Беспросветные сериалы,

Телешоу – вот наш удел.
Здесь лишь идола.
Идеалы нами пограны.
Все. Предел.

2006

НЕ ВОПРОС

Мы счет с тобой ведем десяткам лет.
Мы пьем кефир. Мы – не молокососы.
В себе все чаще находя ответ,
Все реже задаем себе вопросы.
2011

ВЗДОХИ АРХИВАРИУСА

Вздох первый

Как падал Карфаген, чем жили Фивы –
Все ведают музеи да архивы.
А в чехарде событий наших дней
«Что делается?» – поди уразумей...

Вздох второй

Прошедшее не полностью проходит.
Оно чуть-чуть и ныне происходит.
И мне такая думается штука:
«История – о будущем наука».
2011–2012

СТРАНА ДАЛЕЧЕ

Временами от снов мне становится
легче,
Но за снами иные грядут времена.
И опять я бреду по дорогам Далече
(Есть такая в духовной пустыне
страна).

Рады местные жители всем
интуристам,
Предлагают широкий им спектр услуг.
Но наследство, увы, расточается
быстро.
Все вчерашние принцы – средь
нынешних слуг.

Так и я, похваляясь отцовским
богатством,
Покупал уважение, славу, любовь...
Растворилось бесследно нетрезвое
братство.
Вот и снится мне часто отеческий
кров.
2006

РОССИЙСКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Российские интеллигенты,
О, сколько эксклюзива в них!
Но для стихов ингредиенты
Воруют из духовных книг.
2006

ОБЪЯВЛЕНИЕ

(Элегия)

Пропал мой сон,
Нашедшего прошу
Оставить у себя свою находку:
Сквозь полночь отвязавшуюся лодку,
На дне которой вверх лицом лежу,
Несет течение дней.
Бурлят события.
Но хочется душе найти укрытье.
Но хочется остаться в тишине.
И потому лежу я на спине.
Я здесь, внизу.
А звезды – в вышине.

2006

НОСТАЛЬГИЯ ПО СОЛОВКАМ

...Как сохраниться вере детской?
Как удержаться на плаву?
Далекый берег Соловецкий,
Я каждый день к тебе плыву.

2013

«ИСКАЛ СЕБЯ...»

Искал себя, как ищут ветра в поле,
В поэзии, в театре, в рок-н-ролле.
Искал не год, не два, но наконец,
(Надеюсь, что послушно Божьей воле),
Нашелся в храме Божьем, на приволье.
Нашелся, как в рассале – огурец.

2010

НОЧНОЕ КУНЬЕ

Светлой памяти
В. Неишумова и В. Афанасьева

Ночные фонари в такое полнолуние
Излишни, ибо видно все и так.
И лунный свет раскрашивает Кунье.
И едут к нам художник и рыбак.
Хранилище воды вздыхает полусонно.
Рыбак берет удю, а живописец –
кисть.
И оба вдаль глядят заворуженно.
И кажется, что в миг проходит
жизнь.

Клев преходящ. Не вечно вдохновенье.
Всему земному есть свой час и срок.
Два века перед вечностью – мгновенье.
Но чуешь дуновенье? Это Бог

С тобою говорит на языке природы.
А ты молишь в ответ. Ты не молчи...
И протекают мимо Кунье воды,
И духа бьют чистейшие ключи.
2010

НЕ ПОКИНУТЬ ХРИСТА...

Не покинуть Христа, если Он
на кресте...
На бумаге, пергаменте, на бересте –
Всюду пишут: «Нет Бога. Он умер
для нас».
Да, Он умер, воскрес и от смерти нас
спас!

Гонят Бога из сердца, из школ,
из газет.
«Бога нет и не будет!» – вопит
Интернет.
Злоба в блогах судачит, лень в бане
ворчит:
«Слышал новость – украден был Тот,
Кто убит»...

Ну а мы? Ну а мы-то?! А мы-то
молчим.
Так давай, как мытарь тот,
с тобой... закричим!
Как разбойник, как Петр, возвратимся
к Христу.
А Господь Сам сажжет с клеветой
бересту.

2010

ПОЗНАЕТСЯ ГОСПОДЬ
В ПРЕЛОМЛЕНИИ ХЛЕБА

«...И когда Он возлежал с ними,
то, взяв хлеб, благословил,
преломил и подал им.
Тогда открылись у них глаза,
и они узнали Его...».
Лк.24: 30–31

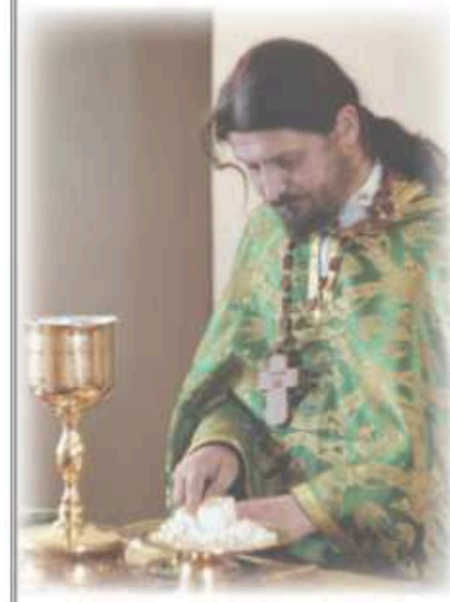

Фото Александра Рудакова

Своя дорога к храму

Здравствуй, дорогая редакция!

Прочитала в 3(90) номере «Лампады» за прошлый год письмо моего дяди Бориса Сумашедова «Мой долгий путь к купели», и захотелось рассказать о своей дороге к Храму. Еще раньше я удивлялась, как он, человек православный по сути своей, с жадностью слушающий проповеди Патриарха Кирилла, не крещен. А в этом году с большой радостью узнала, что наш дорогой дядя Боря окрестился, переступил порог, отделявший его от людей православных.

Из его письма так видна типичная послевоенная дорога русского человека к Православию!.. Прочитала – и невольно вспомнила собственный путь, в чем-то похожий, а в чем-то и другой – время-то иное. Я вступила на него в 70-х годах теперь уже прошлого века. Помню: это было что-то запретное, связанное с гонениями. В то время вера в Бога считалась веянием старомодным, люди воцерковленные преследовались, храмы открыто нельзя было посещать, а требы старались делать тайно. Вера тогда считалась уделом людей ущербных, неудачников, которые не могут сами добиться успеха в жизни и потому прибегают к чему-то непостижимому, таинственному, которое, как в сказке, может им помочь. При большевиках признаться в своих слабостях было стыдно. Ведь, как говорил Горький, «человек – это звучит гордо!». Строитель коммунизма должен был сам направлять свои стопы по правильному пути, сам, своим трудом и умением, получать то, что хотел. Ведь не зря мы – советские люди – могли поспорить с природой, могли повернуть реки вспять и т.д. Советский человек был эдаким Бэтменом того времени, который все знает, все может. В нем не должно быть места человеческим слабостям, мятущейся душе.

Помню свою прабабушку по линии мамы, в честь которой назвали меня. В Пасху она с двумя тяжеленными бельевыми корзинами, полными разных вкусностей, шла через весь город в церковь. Каждый раз Пасха была для меня раскрашена пестрыми яйцами, многоцветием глазированных головок куличей. Тогда нам, резвящимся на поляне детям, было не понять, какой это для нее был труд. Сейчас мне и налегке не одолеть эту дорогу, а ей, в ее возрасте, с ее болезнями, постом и праздничными хлопотами только Господь Бог и мог даровать силу и крепость для благих дел. Верующими были и бабушка по линии папы, и тетя. Даже в глубоко преклонном возрасте бабушка Нюра, которой Господь даровал 101 год, ходила на всенощную в церковь. Но духовный подвиг моих предков оставлял меня спокойной.

Маму мою, во всяком случае внешне, к верующим, а тем более к воцерковленным, не отнести: комсомолка, передовик производства... дитя своего времени. В папе, я чувствовала, веры было больше: он родом из Мордовии, а это известная богомольная земля. Но этого, конечно, мало для совершения такого важного и небезопасного шага – окрестить советского ребенка. Тогда правомерен вопрос: почему это

произошло? Видимо, еще крепкими оставались связи с прошлым, когда вера в Бога, церковная жизнь были так же естественны, как потребность человека в воде, воздухе, пище. Родители решили крестить, может быть, потому что в душе их вера все-таки жила. А возможно, это и не было основано на вере: скорее, так всегда было принято – и все тут! Не им менять высший закон бытия, не зря христианству уже две с лишним тысячи лет.

После моего крещения папу – передовика производства, члена партии – вызвали на цехком и «поставили на вид». Чтобы избежать дальнейших конфликтов, мою младшую сестренку уже не крестили. В 1969 году, когда она родилась, начало насаждаться «советское крещение», по опыту первых лет большевистской власти. Администрация города приглашала всех новорожденных с их родителями во Дворец культуры. Вместо «Отче наш...» звучали пышные поздравления, заздравные речи. Сегодня власть отказалась от практики «советского крещения», но молодым, я думаю, хочется не только денежного эквивалента, стимулирующего рождаемость, но и простого человеческого внимания. Альтернативное «крещение» не прижилось, и Света сама крестилась во время учебы в институте. Мне кажется

ся, ее подвигли на этот шаг некоторые личные проблемы, а может, и страх: как она, некрещенная, будет жить, кто поможет в трудную минуту и как там, на небесах, некрещенной будет.

В нашем небольшом южном городке Тихорецке, что лежит на ладони кубанских степей, был один храм – Свято-Успенский. Он располагался рядом с танцплощадкой, где из-за грохочущей музыки нельзя было слышать друг друга. Для нас, несмышленных девчонок, не было ничего нелепее, чем это сочетание: «архаики» и модерна. Все почему-то думали, что церковь скоро снесут, а сегодня мы видим: она стоит как нельзя лучше. Когда чувства подчас преобладают над разумом, когда неокрепшей еще душе трудно бороться с соблазнами, церковь должна быть рядом с молодежью. Каждый день, пробегая мимо нее в школу, парк или летний кинотеатр, мы и не подумывали о том, чтобы в нее войти, открыть для себя другой мир. Вернее, такие попытки зайти в коротких юбках были, за что изрядно попадало от служителей, но это скорее был праздный интерес к Церкви, а не потребность духовного общения с Господом.

Восхождение к Церкви начинается, по-моему, не с крещения, а с осмысления происходящего. Я не говорю о людях, которые осознанно, как мой дядя Боря и многие другие, пришли к вере. Я имею в виду тех, кого крестили, как и меня, в раннем детстве и которым только еще предстояло найти свою дорогу. У меня такая дорога была. И началась она, увы, только после выпавших на мою долю испытаний. Жалею, что не пришла к вере раньше, что лишь большое горе заставило меня переступить порог храма. Это началось после рождения первого ребенка, Екатерины. Тогда, в 1986 году, мы с мужем и не думали, что в майском походе, где все было наполнено нашей любовью, мы попадем под ядерные дожди, которые скажутся на потомстве. А тут еще гепатит, обнаруженный у меня уже в декретном отпуске. Тяжелые роды чуть не унесли мою жизнь, и мне пришлось за нее изрядно побороться, чтобы не оставить мужа вдовцом с ребенком-инвалидом на руках. Для меня, еще вчера здорового человека, который «все может сам», это было таким потрясением, такой душевной травмой, что только Церковь

и смогла вернуть меня к жизни. И тут пришли на помощь молитвы. Кто-то дал молитву о здоровье, тетушка из Тихорецка прислала молитву в защиту от плохих людей. Я брала из храма святую воду, пила ее и орошала ею наше жилище. Потом было долгое лечение дочери в больницах. Когда ребенок лежал в реанимациях, я целыми ночами не спала, вскакивала среди ночи и начинала читать молитвы. И только Господь помог пережить мне это лихолетье.

Вторую девочку я выходила, можно сказать, в церкви. Каждый выходной я посещала службы, все разрешилось благополучно. Но нельзя сказать, что на этом завершилось мое восхождение к истине и вере. Этот процесс многоступенчат. Мой путь был очень и очень тернист.

Соприкосновение с Православием открыло передо мной новые горизонты, но я принимала не все. Сопоставляя духовные открытия и нашу реальность, где все решают блат, изворотливость, сила, я обрекала мою душу на метания. Я не могла выбросить тот жизненный багаж, который копился во мне изо дня в день, из года в год, который врос в меня и был моей составной частью. Из-за своего малодушия ставила под сомнение силу Божественного провидения и, что греха таить, часто этому сомнению уступала. Казалось, что, так сказать, «прогнувшись» под верой, сделав что-то запретное, ты как раз достигнешь желаемого результата.

Это долго сидело во мне. А помогло излечиться, как ни странно, кино. Дебютный фильм Ивана Вырыпаева «Эйфория» не произвел на моих знакомых особого впечатления, а для меня был подобен выстрелу, который попал в цель. И сам пейзаж, где, казалось, нет места жизни, и картины полета – парения души – настраивали на глубокие размышления. Когда я смотрела фильм, то передо мной на экране разворачивалось не действие картины, а библейская история, для меня открывалось Божественное начало.

Я стала смотреть на жизнь по-другому, как будто мне явилось внутреннее зрение. Жизнь стала читать на языке Библии, каждый раз убеждаясь, что, обойдя закон Божий и получив запретное, человек непременно теряет что-то важное в другом. Вот женщина грубо выживает на работе сослуживи-

цу. Да, ее не сократили, но в это время заболевает ее муж и сам уходит с работы. Получается, выжила не конкурентку на должность, а своего мужа. Вот другая женщина идет на свидание с любовником, а в это время без пристрастия гибнут ее щенки, которые приносили доход, кормили ее.

Я не стала обходить законы Библии, не стала «подлаживаться», даже если и не достигала желаемого результата. И Господь посылал мне что-то другое, иное утешение. Главным образом мне помогли укрепиться батюшки: протоирей Сергей Дмитриев, теперь настоятель храма в г. Верона (Италия), иерей Роман Манилов, настоятель храма в честь святителя Иоанна Сан-Францисского и Шанхайского, протоирей Георгий Белодуров, клирик Тверского кафедрального собора. Им я несказанно благодарна за свое духовное становление.

Пять лет назад я поняла, что нам с мужем необходимо обвенчаться, но на это мне потребовалось 22 года! Муж, как я уже написала, из очень верующей семьи, правда, в церковь ходит не часто. Дети, к сожалению, малoverы, может, еще не созрели. Я молюсь за них, чтоб к вере пришли. Священник говорил, что надо не осуждать тех, кто не ходит в церковь, а надо за них молиться. Мой путь восхождения к истине и вере далеко не закончен. Человек – это процесс, и в том его счастье. Мне так понятны, так близки эти слова из статьи протоиерея Андрея Ткачева, опубликованной у вас в «Лампаде». Когда, кажется, все точки над *i* поставлены, рождаются новые духовные открытия, и вновь веришь, что ты на правильном пути.

г. Тверь

Наталья Лосева

СКРЕПЫ

Не ищи любви в других к себе, а ищи ее в себе, не только к близким, но и к врагам.

*Преподобный
Макарий Оптинский*

Олег Сикарев

СЛОЖНЫЕ СУДЬБЫ СЛОЖНЫХ ВРЕМЕН

История, которую творит человек, мне кажется, больше всего от него и страдает. Можно или нельзя с этим что-то поделать – сказать трудно, однако историю, особенно свою,

надо знать, понимать и даже любить. Иначе как разобраться в нашей многотрудной и замысловатой жизни? А лучшего ключа, чем через людские судьбы, к этой шкастулке не подобрать.

В храме во имя чудотворца Тихона Задонского в селе Нижняя Серебрянка Ровеньского района Белгородской области первая литургия была отслужена в 1862 году. А через полвека с небольшим он был закрыт и разграблен. То ли потрудившись местные «строители новой жизни», то ли лихие парни батьки Махно – о том все та же история умалчивает. Как неизвестно и о том, в чью дурную голову пришла в Нижней Серебрянке мысль ладить пчелиные ульи из икон, поскольку писаны они на толстых липовых досках. Где-то один образ из того храма дожил до наших дней, его даже вернули, но вскорости опять забрали. После войны в церкви, как водится, разместили склад химических удобрений. (Очень трудно было пробить в алтаре брешь для заезда грузовиков с удобрениями – толщина стен из красного обожженного кирпича была более метра). В 1998 году создали попечительский совет по восстановлению, и уже через два года тогда еще архиепископ, а ныне митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн совершил чин освящения храма.

Говорят, что секрет прочности церковных зданий – в куриных яйцах: белок добавляли в раствор, а желтками кормили строителей. Профессионалы считают, что стойкость дает известковое молочко, добавляемое в раствор. Во всяком случае,

наш бригадир строителей-восстановителей очень удивлялся тому, что храм был поставлен на низменном и очень сыром месте, а трещин никаких нет. Видно, не знал, что для таких творений главное – не ГОСТы и нормативы. Хотя под храмы выбирают, действительно, все больше возгорки.

Дело в том, что, проезжая по здешиим местам, архиепископ Астраханский и Кавказский Сильвестр (Лебединский) сильно занемог. И вынужден был остановиться по пути, в слободе Ровеньки. Чувствуя, что ему уже не подняться, архиерей велел позвать настоятеля местной Никольской церкви и причастился Святых Христовых Таин. И на следующий день, 5 ноября 1808 года, отошел ко Господу. Владыка успел составить завещание. Согласно его воле в селе Нижняя Серебрянка, откуда он вернулся в слободу, надлежало поставить храм в честь почитаемого им святителя Тихона Задонского. Отрядил на строительство и на свои похороны 2000 рублей серебром. Необычную историю возникновения храма восстановил краевед Иван Андреевич Духин, консультант по отливке колоколов, в частности, для возрожденного Храма Христа Спасителя.

В 1978 году при строительстве газопровода в Ровеньках, на месте Никольской церкви, был найден серебряный крест архиепископа с зелеными сапфирами.

О перезахоронении останков в то время речь не шла. От могилы остались только смешанные с землей кости, клочок волос да крест, который передали священнику Троицкого храма. Со временем следы реликвии, к сожалению, затерялись.

Сведения И.А. Духина во многом объясняют, почему Свято-Тихоновский храм в Нижней Серебрянке был построен именно в этом месте. К сожалению, никаких данных о строительстве самого храма найти не удалось. Ни кто строил, ни как долго... Известно только, что открыт он был в 1862 году, то есть на следующий год после прославления Тихона Задонского в лике святых...

Все жители Нижней Серебрянки, в том числе и я, в детстве пытались найти церковный подвал и подземный ход. Много плелось вокруг них всяких легенд. Вроде было одно похожее место, небольшая дыра в полу храма: если бросить туда ломик, то можно успеть досчитать до семи, пока он глухо звякнет. А как туда попадешь?.. Тяжело смотрелась завешанная владыкой церковь. У основания купола сохранилась только каска росписи. Внутри всегда тяжелый воздух – от удобрений. Если стать посередине и крикнуть, то через разбитые окна вылетали вороны, а снаружи, на колокольне, было много голубиных гнезд. В детстве соревновались, кто больше знает

мест, как залезть на верх церкви. Однажды, при очередной попытке, кирпич просто вытянулся из кладки, и я, вместе с ним в руке, полетел вниз и сильно ударился спиной о землю. Многие знают это ощущение: вдохнуть можно, а выдохнуть – только со стоном или криком. Родителям о падении говорить было нельзя. Спина у меня болит до сих пор, и костоправы всегда интересуются – а не ломал ли я позвоночник. Не знаю... Но у основания колокольни на одном из кирпичей должна быть выцарапанная гвоздем надпись «Олег 1985», за что мне стыдно до сих пор.

Храм восстанавливался сложно. Занимался этим непосредственно мой отец, Николай Николаевич Сикарев. Весной 1998 года он организовал сход граждан, который постановил просить о восстановлении храма. Помню, люди в селе тогда оживленно обсуждали это событие, надеялись, что теперь летние дожди не будут обходить Нижнюю Серебрянку стороной.

Почетным председателем попечительского совета стал губернатор области Евгений Степанович Савченко, и это облегчало решение многих хозяйственных проблем. У истоков восстановления храма стоял и коммунист Владимир Васильевич Фоменков, бывший в то время главой района. Много сделали и Николай Тимофеевич Мирошниченко, его преемник, и депутат Госдумы Андрей Викторович Скоб. Я, как мог, тоже помогал отцу, так что знаю, как все было. Помню, где-то через полгода после открытия храма мы продали поросенка и примерно половину денег уплатили за междугородние переговоры отца – о поставке материалов. Вот такая горячая была стройка... И первым, кто окрестился в храме после его восстановления, был именно мой отец. За ним – я, а третьим – младенец Роман, мой сын. Крестил нас новый благоденный из Валуйек, отец Владимир Некрасов. Он надел на всех нас серебряные крестики, освященные в Иордане. Представляю, как бы радовался за нас наш прежний благоденный, отец Андрей Пакол. Но, увы, не пришлось...

Об этом батюшке нельзя не написать отдельной строкой. Его очень уважали все, кто с ним общался, правильный, цельный он был человек. Он сделал очень много для восстановления нашего храма, но погиб, не увидев его освящения. Так случилось,

Таинство Крещения принимают три поколения семьи Сикаревых: младенец Роман, его отец Олег (автор очерка) и бабушка Николай (в голубой рубашке). Это – первое крещение в восстановленном храме. Фото любительское, не предназначалось для публикации, не будьте строги к качеству

что отец Андрей за рулем легковушки оказался перед выбором – давить людей или врезаться в столб. Он предпочел второе и погиб от удара. Его матушка приезжала потом на открытие храма, скромно стояла в толпе, возможно, представляла, как мог бы стоять сейчас здесь и ее отец Андрей...

Потом мой отец занимался восстановлением еще одного храма, в селе Ивановка. А когда работы больше не нашлось, уехал в Москву, прорабом на стройку. В январе 2006 года он очень сильно простудился и умер в больнице в Ровеньках. Отпеть его в родном Нижнесеребрянском храме не получилось из-за отсутствия тогда местного батюшки.

Считаю, многое еще нужно вспомнить и сделать достоянием всех, ведь – это наша История. Как-то в социальной сети меня спросила незнакомая женщина из Воронежа – не мой ли это стих про церковь в селе Нижняя Серебрянка? Какое я имею отношение к этому храму? Писала, что у ее семьи с ним связаны горькие воспоминания. Оказалось, что она –

правнучка нашего серебрянского батюшки, убитого в 1917 году. Когда после революции начался голод, священник Николай Лебедев собрался с обозом на Украину за продуктами для односельчан. Но по дороге назад его расстреляли, а обоз разграбили. Трудно сегодня сказать, на чьих руках кровь отца Николая – кто только в те поры не шастал по дорогам измороженной, поруганной страны... В далеком 1966 году дочь убиенного священника побывала в Нижней Серебрянке. Нашла ли она следы бывшего? Где могла убиенного серебрянского батюшки и есть ли она вообще – неизвестно. Раньше и спрашивать было нельзя. Нашлась женщина, которая в свои восемьдесят лет еще помнила их семью. Да через дорогу от ее дома пустовало место с остатками фундамента дома священников...

... Церковь в Нижней Серебрянке стоит и действует, умиротворяя своим спокойным древним величием. Правда, стены по-прежнему страдают – все еще сказывается воздействие химикатов, хранившихся там десятилетиями, осыпается штукатурка. И это при том, что во время восстановительных работ выбирали грунт на метр в глубину и насыпали чистую землю. Что отбивали изнутри остатки старой штукатурки и кирпичей, чтобы избавиться от сырости. Храм снова требует к себе внимания. Восстанавливать старые церкви и строить новые – это прекрасно, но надо их и содержать, надо туда приходить...

А в ноябре 2013 года отец Александр, нынешний настоятель Свято-Тихоновского храма, заменил все окна в храме новыми, пластиковыми и теплыми, и все вторые двери. На пожертвования безымянных прихожан. Оттого и надежды наши не убывают.

*п.Ровеньки, Белгородская обл.
Автор благодарит И.С. Худобина и Виталия Лазуренко за помощь в подготовке материала*

ОБ АВТОРЕ. Олег Николаевич Сикарев родился в 1974 г. в с. Нижняя Серебрянка Ровеньского района Белгородской области. Сейчас живет в п. Ровеньки. Окончил Белгородскую с/х академию. Пишет стихи. С 1992 года состоит в литетурии «Слово» при Белгородской областной писательской организации. Печатается в местных и центральных газетах и журналах. Выпустил три сборника стихов.

Работает специалистом по автоматизации в районном управлении Пенсионного фонда и старшим преподавателем Ровеньского филиала Белгородского университета коммерции, экономики и права.

Забывтый на родине

Павел Павлович Муратов родился в марте 1881 года в семье отставного военного врача в городе Боброве Воронежской губернии. Еще ребенком был определен в кадетский корпус, однако все же избрал гражданскую специальность, поступив в Петербургский институт путей сообщения. Старший брат, Владимир, стал к 1917 году генералом Генштаба и принял сторону большевиков, что впоследствии помогло Павлу: ему даже удалось эмигрировать.

Пройдя через увлечение революционными идеями, получив офицерский чин в Русско-японской войне, Муратов всерьез увлекся древнерусской живописью. Вокруг него сформировался круг друзей, которых, по нынешней терминологии, можно назвать культурной элитой общества: Борис Зайцев, Александр Блок, Иван Бунин, Андрей Белый. Сам Павел также начинает публиковаться в литературно-художественных журналах. Статьи его, как правило, посвящены художественным выставкам Москвы и Петербурга.

В 1910 году Муратов поступает на работу в Отдел изящных искусств и классических древностей Публичного и Румянцевского музеев. Увлечение становится профессией. Он пишет о музейном деле в солидных журналах «Русские ведомости» и «Старые годы». Особо следует отметить его статью в журнале «Аполлон» за 1912 год, где он называет главную задачу музея – быть образовательным учреждением.

Муратов много путешествует, но он – не простой турист. В 1911 году выходит первый том его книги «Образы Италии», в следующем – второй и только через 12 лет – заключительный. Фундаментальный труд стал историко-культурным путеводителем по южной, центральной и северной областям Апеннинского полуострова, с описанием архитектурных и художественных достопримечательностей от античности до XVIII века.

В один год с выходом первого тома «Образов Италии» Павел Павлович с

Как бывает «писатель одной книги», «художник одной картины», «актер одной роли», хотя у каждого вполне солидный и стоящий творческий багаж, так, можно сказать, произошло и с нашим героем. Спроси много просвещенного искусствоведа, знает ли он П.П. Муратова, наверняка услышишь: «Как же! Его “Образы Италии”. Да каких три тома!». А между тем именно Павел Павлович Муратов – первый, кто попытался привести в систему бесценное богатство древнерусской иконописи, которая, по его мнению, закончилась в XVII столетии, во время «...падения всей иконописи до ремесла». Однако здесь его имя мало кому что скажет. В модном ли ныне «генетическом коде» заложено в нас неустребимое: ценить чужое и пренебрегать своим?

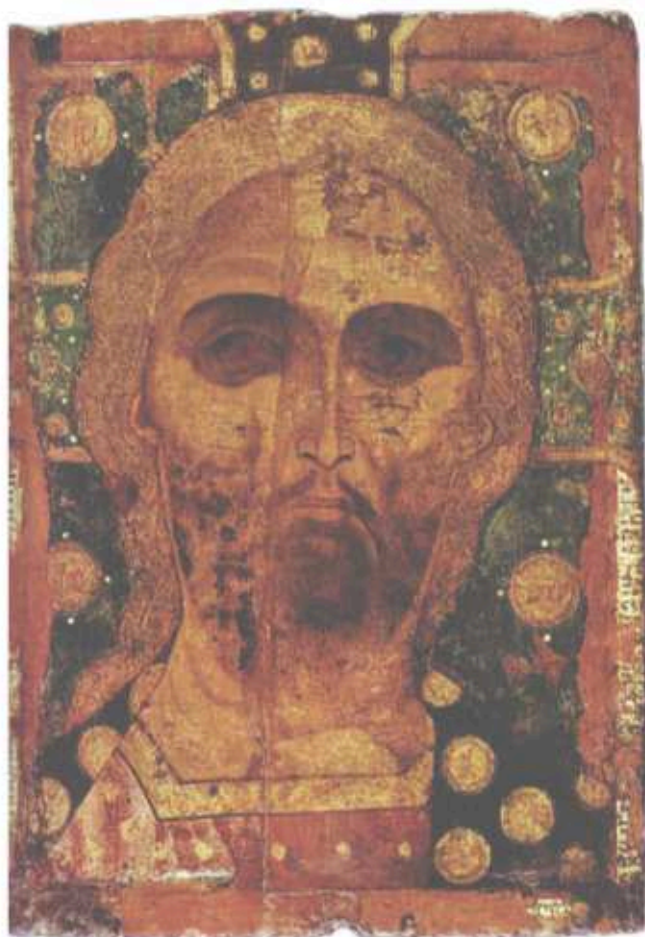
И.Э. Грабарем начинают готовить к изданию «Историю Русского искусства», в которой Муратов почти полностью написал VI том. Он посвящен древнерусской живописи – иконам, фрескам, византийской мозаике и шитью допетровского периода. На следующий год Павел Муратов участвует в открытии Ярославского музея икон, много ездит по центральным губерниям России, посещает храмы и монастыри, знакомится с древней монументальной живописью. Вместе с издателем Некрасовым начинает выпуск специального журнала по древнерусскому и византийскому искусству «София», где у него вышло шесть статей.

По нездоровью Муратов оставляет государственную службу и отдается только научной и публицистической деятельности. У него много знакомых среди коллекционеров, издателей и просто ценителей русской старины. Среди них и почитатель Третьяковской галереи И.С. Остроухов. Как верующий человек, Павел Павлович понимал, в том числе исходя и из личного духовного опыта, что значит древнерусская икона для православных людей. Но это не мешало ему видеть в этих образах и мощнейший многовековой культурный пласт, в котором талантливо запечатлелись эстетика и философия ушедшего в лету бытия. Не мешало относиться с пониманием к тем, кто в силу своего светского мировосприятия рассматривал древнерусскую икону лишь как артефакт.

В 1914 году в количестве 450 пронумерованных экземпляров вышла книга «Древне-русская иконопись в собрании И.С. Остроухова», представляющая собой альбом с фотографическим изображением более семидесяти старинных русских икон. Муратов пророчески заявил, что «Древнерусская иконопись – искусство для художника и собирателя. Покамест это искусство еще малоизвестно, в ближайшем будущем мы переживем стадию увлечения им, как новым блестящим эстетическим открытием. Новые ценности займут наконец свое историческое место в ряду сокровищ художественной культуры».

Он считал, что «перелом в русской культуре произошел не в царствование Петра, но при Алексее Михайловиче, когда «фряжь» в искусстве водворилась гораздо раньше, чем фряжские нравы и костюмы появились в обиходе. ... Искусство и, в частности, иконопись служит любопытным подтверждением того». А уже «в XVIII веке потерпели крушение не столько основы старого русского искусства, пришедшего в полный и окончательный упадок еще лет за сорок до Петра, сколько основы русского собирательства. С чрезвычайной быстротой изменился план русской жизни. В этом плане не оказалось места для хранилища старинных преданий и старинных икон. В несколько десятилетий рассеялось все, что накопилось веками. Иконостасы барокко и классицизма сменяли, где только возможно, древние новгородские и московские иконостасы. Старинные иконы сваливались в церковных подвалах или на колокольнях. Переписанными и искаженными они сохранились лишь в забытых церквях глухих городов или в Олонецких и Вологодских деревенских храмах, не знавших ни соседства, ни попечений помещика. Старинная икона совершенно исчезла из помещичьей жизни, наладившейся в XVIII веке».

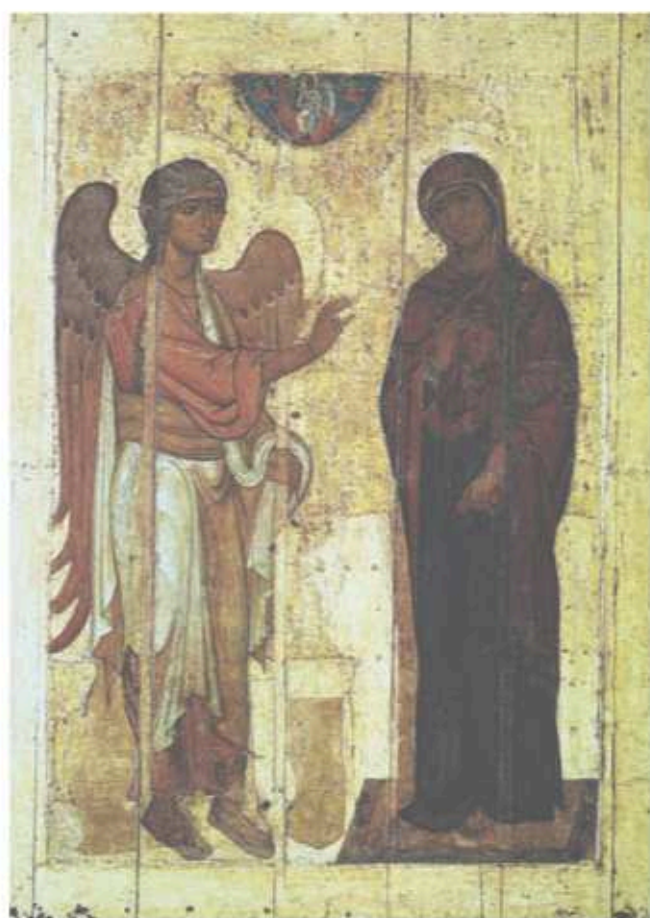
Спасением для иконы, по мнению автора, стало старообрядчество, свозившее древнерусские образа на далекий север или в «монастырские города» Нижегородской губернии. Центром собирательства в Москве стали храмы на Рогожском и Преображенском кладбищах. Проводя периодизацию допетровской иконописи, Муратов выделяет, по сути, единственную школу – новгородскую, хронологически подразделяющуюся на домонгольский период, ранний – период расцвета, поздний и переходный – когда в конце XVI – начале XVII века появляются московская и строгановская школы. Однако Муратов не дает им права на самостоятельное существование, считая, что «...по самому своему происхождению московская иконопись была лишь вариантом новгородской»,

Спас Златые Власы. Сер. XVI в.

Положение во гроб. XV в.

Устюжское Благовещение. Нач. XII в.

Никола и Иоанн, Ангел пустыни, с Сошествием во ад. XVI в.

Русские писатели в Берлине, 1922. Сидят: Андрей Белый, Михаил Осоргин, Александр Бахрах, Борис Зайцев; во втором ряду: Алексей Ремизов, Владимир Ходасевич, Павел Муратов, Нина Берберова

а «строгановская была явлением слишком частным и изолированным по условиям своего существования и питавшимся притом слишком неглубокими корнями», даже «... две крупнейшие индивидуальности в древне-русской живописи, Андрей Рублев и Дионисий, проработавшие всю свою жизнь в Москве... определенно примыкают к новгородской традиции». А такие иконописные школы, как суздальская, тверская, псковская и ряд других, автором даже не рассматривались.

Это мнение у Павла Павловича утвердилось и повторялось не единожды в его последующих работах. При этом хотелось бы не забывать, что до Муратова серьезных исследований по древней иконописи практически не проводилось.

В Первую мировую войну Павел Павлович попал в действующую армию, проходил службу на Юго-Западном фронте и в прифронтовых частях Крыма, занимаясь противовоздушной обороной Севастополя. Здесь он пишет армейские репортажи, различные статьи и предисловие к книге А. Аннимова «Новгородская икона св. Феодора Стратилата».

В начале 1918 года Муратов вернулся в Москву, где вместе с И.Э. Грабарем создал «Комитет по охране культурных и художественных сокровищ России». Комитет просуществовал недолго, однако все же удалось пополнить экспонатами ряд музеев обеих столиц. В конце года он организует «Книжную лавку писателей», по сути букинистический магазин, который помог его друзьям-писателям выжить в голод 1918–1920 годов. Муратов сотрудничает

с Наркомпросом, и это помогло сохранить от разграбления ряд частных коллекций (например, собрание икон И.С. Остроухова, хранящееся в Государственной Третьяковской галерее), спасти от разорения старые дворянские усадьбы, ставшие сейчас жемчужинами Подмоскovie, а также участвует в реорганизации музеев.

Известного искусствоведа приглашают в общественный Всероссийский комитет помощи голодающим, возглавляемый писателем В.Г. Короленко. Но через несколько месяцев вся организация была арестована чекистами, и кто знает, как бы все повернулось, если бы не заступничество Горького. Муратова не отнести было к политизированным людям. Он свято служил искусству, да и православная вера, которую он исповедовал, помогала сдерживать страсти мира сего. Но события в советской России разворачивались столь безжалостно и стремительно, что затягивали людей в свой водоворот и против их воли. Голод, разразившийся в стране в 1922 году, развязал большевикам руки, и они использовали народную беду, чтобы начать изымать церковные ценности из храмов и монастырей. Муратов болезненно переживал разрушение мира, которому он посвятил всего себя, особенно когда с любимых им икон варварски срывались оклады, осквернялись священные сосуды. Простить новой власти этого он не мог. Из поездки в Германию в сентябре 1922 года Павел Павлович на родину не вернулся...

В Берлине Муратов встретил своих старинных друзей: А. Белого, Б. Зайцева,

В. Ходасевича, М. Осоргина, которые помогли ему войти в круг писателей русского зарубежья, принять участие в литературной жизни, тем самым зарабатывать на хлеб. Публикуется он в «Современных записках», «Звене», издающихся в Париже, тематика статей, как правило, охватывает круг вопросов, связанных с византийским и древнерусским искусством, а также с событиями, происходившими в оставленной им Москве.

В 1923 году Муратов по приглашению итальянских властей вместе с Н. Бердяевым, Б. Зайцевым, С. Франком, М. Осоргиным переехал в Рим, где прожил четыре года, встречаясь с М. Горьким, вел переписку с друзьями, оставшимися в России. Затем – Париж, в газете «Возрождение» ведет рубрику «Каждый день», высоко ценимую И. Буниным, и начинает сотрудничать с обществом «Икона» (П.П. Муратов – секретарь, а В.П. Рябушинский – председатель).

Он вновь занимается главным делом своей жизни – популяризацией древнерусской иконописи, проводит выставки в европейских столицах, участвует в строительстве и росписи православных храмов-памятников в Праге, Париже и Брюсселе.

Творческое наследие Павла Павловича сделало его одной из крупнейших фигур русского зарубежья в области истории древней иконописи, а изданные им сборники в 1925, 1928 и 1931 годах на французском языке принесли ему поистине всемирную известность. Многие страны приглашают его читать лекции о древней русской иконе. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря Муратову голос православной России звучит во всем мире. В 1934–1940 годах Павел Павлович жил в Японии, США, Франции. С началом Второй мировой войны он избирает местом жительства Англию. Здесь он познакомился с дипломатом, коллекционером икон, знатоком русской истории У.Э.Д. Алленом, дружба с которым продлилась до последних дней жизни Павла Павловича. Он занимается историей Первой мировой войны, в соавторстве с Алленом пишет труд о русско-турецких войнах на Кавказе за сто лет, начиная с 1821 года, а также работу о «Русской кампании 1941–1945 гг.».

Незадолго до смерти Павел Павлович Муратов переселился в ирландское поместье своего друга, где и ушел из жизни 5 ноября 1950 года. Похоронен неподалеку, возле католического храма. Кончина всемирно известного ученого, писателя, искусствоведа, знатока византийской и древнерусской иконописи в среде русской эмиграции осталась практически никем не замеченной. Как, впрочем, и на родине.

*Владимир Рязанов,
реставратор*

г. Воронеж

Дмитрий Шеваров

Он был своим в саду мировой культуры

«Осьмнадцатый уже се истекает век...». Так начинается одно из первых сохранившихся произведений Николая Гнедича – «Песнь на Рождество Христово». Стихи написаны четырнадцатилетним отроком на рубеже веков, в 1798 году. Проводы восемнадцатого века были долги и величественны, как само правление Екатерины.

Рождественская песнь украшена рисунком автора: в бедных яслях лежит спеленатый младенец, над ним – Вифлеемская звезда и шесть ангелов. Ясли нарисованы с крестьянским знанием дела, грубое сено торчит во все стороны.

Богородицу и Иосифа, как и волхвов с дарами, юный поэт не нарисовал. Возможно, не осмелился. А может, просто не успел, отдав все силы и время отделке большого стихотворения. Не исключена и другая причина: мальчик затосковал о доме и, глядя на свой недорисованный вертеп, погрузился в счастливые воспоминания...

Свою «Песнь...» Николай приготовил в подарок отцу. С детской горячностью и сердечным упованием мальчик обращался к Богу:

*Весильный Бог, Творец тьмочисленных
миров,
Непостижимый Царь бытий, времен,
веков!
Будь моему отцу всегда ты
Покровитель,
Будь дней его драгих Защитник
и Хранитель,
Да в счастья под Тобой и им я буду
жить
И возмогу к Тебе ввек благодарным
быть.*

В пору написания этих строк Николай и его старший брат Володя учились в Харькове, впервые оторвавшись от родных мест (села Бригадировка, что в Богодуховском уезде близ Полтавы), от бедной, но дружной своей семьи – отца и старших сестер Наташи, Маши и Гали. Мать Николая умерла при его рождении, поэтому нянчились с мальчиком сестры.

Сохранилось одно из писем Маши братьям в Москву (после Харьковского коллегіума братья Гнедичи поступили в Университетский благородный пансион). Письмо написано в сентябре 1801 года. В нем Маша просит Николая извещать о его сценических успехах, а также умоляет рассказать о том, как проходила в Перво-

престольной коронация Александра I. В обмен на столь любопытные для жителей провинции подробности девушка обещает прислать брату... журавля: «Здравствуй, милой мой братеку Миклочку. Прошу тебе ще мій севенькій голубчику, кяли Володя полнитися описате за коронацію, то ти напиши, а я вже тебе пришлю за те журавель щоб с тобою на трагедии танцував кадраль: то-то удивишь всех. Ты же, брате, почав трагедии представлять: я слышала... Миколочка, да сделай милость пиши, не ленись: да що смешне – напеше, як ти там трагедии представляешь. Та особливо пиши ж, не в батюшкином письме... Прощайте. Ещо, братья, живите себе хорошенько, мирненько, то будет вам от Бога и от людей гаразд. Поцлуйтеся-ж у двоих за мене: ти Володю за мене поцалуй, и вене тебе та мецно, глядет, цулуйтеся, щоб и я чула...».

После учебы в Московском университете Николай Гнедич оказался в Петербурге, в Департаменте народного просвещения, на скромной должности писца. Здесь тянул свою лямку другой молодой поэт – Константин Батюшков. Их знакомство переросло в крепкую дружбу. Вместе они мечтали то о поэтической славе, то о поездке в Америку, то о службе в гвардии. Вместе они написали письма своим отцам с просьбой дать благословение на ратный путь. Батюшкову удалось стать военным, пройти три войны и дослужиться до штаб-капитана. Гнедича же подвело расстроенное с детства здоровье.

Качества воина, которые Гнедич не сумел применить на ратном поле,годились ему в трудах над переводом «Илиады». Замечательно, что «противником» в этом сражении переводчик считал не трудность древнегреческого языка, а... самого себя: «Таким образом, величайшая трудность, предстоящая переводчику древнего поэта, есть непрерывная борьба с собственным духом, с собственной внутреннею силою, которых свободу должно беспрепятственно обуздывать...».

Незадолго до вторжения Наполеона, 12 апреля 1811 года, Николай Гнедич был определен на вакансию помощника библиотекаря в Императорскую Публичную библиотеку. Должность – из самых скромных, но директор Алексей Николаевич Оленин сделал ее почетной и ответственной: Гнедичу было поручено хранение манускриптов греческого собрания библиотеки.

Николай Иванович Гнедич

Оленин устроил все для того, чтобы работа Гнедича над переводом «Илиады» протекала в самых благоприятных условиях. Кроме жалованья, которое составляло тысячу рублей, Николаю Ивановичу полагалась служебная квартира прямо в здании библиотеки, что в промозгом Петербурге сберегало не только время, но и здоровье. Все необходимые книги теперь были под рукой. Соседство тоже оказалось удачным: апартаменты Гнедича располагалась над квартирой Ивана Андреевича Крылова, который заведовал русским собранием библиотеки.

Болезни не оставляли Гнедича, и во время Отечественной войны он уже не мог встать в строй. Но – «сила Божия в немощи совершается», и при всей своей физической слабости Гнедич проявил немалую силу духа, помотая словом и делом всем тем своим друзьям и знакомым, кто был так или иначе задет войной. Помогал он и малознакомым, а то и вовсе неизвестным людям. Несколько таких историй открылось после его смерти, но еще больше их, очевидно, так и осталось в забвении.

Одна из известных историй относится уже к послевоенному времени. Как-то Гнедич приехал к ректору духовной академии в лавру и, проходя мимо некрополя, заметил плачущего молодого человека. Николай Иванович подошел к нему и стал расспрашивать. Выяснилось, что молодой человек хорошо учится в академии, но ничем не может помочь своей матери, которую оставил в крайней бедности. Гнедич по-отечески утешил студента, а сам отправился к своему доброму знакомому, адмиралу Николаю Семеновичу

Мордвинову, занимавшему в ту пору пост председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Мордвинов сразу отозвался на просьбу Гнедича помочь юноше: его матери был назначен пенсия, а когда молодой человек через несколько дней пришел ее известить, то обнаружил, что она живет в новой чистой квартире.

* * *

Но вернемся в Петербург 1812 года. Через полтора месяца после вторжения Наполеона Оленин получил от правительства распоряжение подготовить к эвакуации наиболее ценную часть собрания библиотеки. В кратчайший срок – с конца августа по середину сентября – 150 тысяч томов книг и все рукописи были уложены в 189 ящиков.

В сентябре 1813 года Гнедич проводил на войну Батюшкова. Константин писал другу чаще, чем родным. В каждом письме были просьбы: купить карту Европы, зайти в ломбард, выслать деньги на хорошую лошадь, поскольку воевать на плохой значит рисковать головой... И сколько еще будет этих неотложных просьб, сколько раз Гнедич, забыв о себе, будет бегать по Петербургу в поисках то одного, то другого.

Не было случая, чтобы Николай Иванович не исполнил просьбы, или промедлил, или забыл что-то, или потерял, или перепутал. Ответственность во всем, что касалось его служебных или дружеских обязанностей, была частью жизненной философии Гнедича.

Сохранилась записка к одному из приятелей, который однажды подвел Николая, забыв и не исполнив обещанного. При этом приятель ссылался на то, что потерял записную книжку. Вот что пишет 26-летний поэт своему рассеянному товарищу: «Памятные дела носи лучше в сердце или в уме, а не в записной книжке. Не делай ни малейшего невнимания к тому человеку, которого желаешь иметь своим другом, потому что если он честолюбив – оскорбится, если корыстен – осердится, если искренен, то быть таким перестанет...».

Нет, не случайно в 1816 году Батюшков доверяет Гнедичу издание своей заветной книги – двух томов «Опытов в стихах и прозе». Константин Николаевич знает, что тот справится с этим куда лучше, чем он сам. 17 августа Батюшков, тронутый вниманием друга, пишет ему: «Письмо твое получил и благодарю за предложение твое печатать на свой счет и, кроме того, дать еще автору 1500. Ты

разоришься, и я никак не могу на это согласиться...».

Таким же заботливым издателем Гнедич станет и для Пушкина. 24 марта 1821 года Александр Сергеевич напишет из Кишинева: «Вдохновенное письмо ваше, почтенный Николай Иванович, нашло меня в пустынях Молдавии; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Благодарю за воспоминание, за дружбы, за хвалу, за упреки, за формат этого письма – все показывает участие, которое принимает живая душа ваша во всем, что касается до меня. Платье, сшитое, по заказу вашему, на “Руслана и Людмилу”, прекрасно; и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня...».

* * *

После возвращения нашей армии из Парижа в Казанском соборе были выставлены захваченные знамена наполеоновской армии. Николай Иванович Гнедич, бывая на воскресных службах, всякий раз останавливался у этих поверженных символов мирового могущества.

В 1816 году он написал стихи «На французские революционные знамена в Казанском соборе, из которых на одном видна надпись: Qu'est-ce que Dieu? (“Что такое Бог” или “Что есть Бог?”)».

*Произнеси в сем Храме, нечестивый,
Что Божество?..
Здесь дан тебе ответ красноречивый:
Вот Бог, вот суд Его, вот Веры
торжество!*

*Титанов новых легионы,
Безбожие столпив под знамена свои,
Войною грянуло на алтари, на троны,
На все святое на земли!*

*Уже торжествовало:
И крест и скиптр попало в прах,
И кровию царя на гордых знаменах
Хулу на Бога начертало!
И клик ужасный “Бога нет!”.
Уже, как ада рев, смутил весь Божий
свет...*

*И где Титанов легионы?
Где богоборные, кровавые знамены? –
Во храме Вышняго Царя,
Как бы дрожащие перед Его святыней,
Поникнули у прага алтаря,
С уничтоженною безбожия гордыней!*

Это стихотворение почему-то никогда не входило в антологии русской поэзии, посвященной войне 1812 года. Быть может, потому, что в нем много пророческого, того, что и сегодня больно задевает. Разве не о нас, не о событиях нашей исто-

МОЛИТВА НИКОЛАЯ ГНЕДИЧА

Боже Великий! Источник жизни, Создатель вселенной! Ты и меня благоволил воззвать из небытия, одарил душою и разумом; Ты и мне уделил частицу из даров, украшающих человечество. Благодарю Тебя, Создатель мой, и молю: укрепляй мою душу, да не унижу ее ничем недостойным; просвещай мой разум, да зрю истинные пользы мои и да не уклонюсь от пути добродетели и от высокой цели, благодати Твоею человечеству предназначенной... Прости мне, Боже милостивый, заблуждения, в какие впадаю по слабости или по невежеству. Даруй мне лучшее из благ, здравие души и тела, да имею силы быть полезен моим собратьям; ибо сим единственно могу возблагодарить Тебя за милости, каких Ты меня устаиваешь, Отец милосердый!

ри эти строки: «И кровию царя на гордых знаменах // Хулу на Бога начертало! // И клик ужасный “Бога нет!” // Уже, как ада рев, смутил весь Божий свет...».

* * *

Многие современники считали Гнедича чопорным и гордым, но ведь гордец и сноб не мог бы посвятить жизнь чужому произведению, чужому гению. Двадцать лет Гнедич отдал переводу Гомера! Переводчик – это вообще одно из самых смиренных призваний на свете.

Как сохранить свою независимость, в защиту каких ценностей направить свое перо? – вот вопросы, которые волновали Гнедича задолго до того, как ими задались крупнейшие писатели XX века. В 1821 году он выступил с речью на собрании Вольного общества любителей российской словесности. Многие собратья по перу слушали Николая Ивановича невнимательно, заранее зачислив его в архаики и ретрограды. Мудрая, горячая и до сих пор злободневная речь Гнедича и сегодня кажется гласом вопиющего в пустыне.

«Писатель своими мнениями действует на мнение общества, – говорил Гнедич, – и чем он богаче дарованием, тем последствия неизбежнее. Мнение есть властитель мира. Да будет же перо в руках писателя то, что скипетр в руках царя: тверд, благороден, величествен! Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства. Им писатель сражается с невежеством наглым, с пороком могущим, и сильных земли призывает из безмолвных гробов на суд потомства.

Чтобы владеть с честью пером, должно иметь больше мужества, нежели владеть мечом. Но если писатель благородное оружие свое преклоняет перед врагами своими, если он унижает его, чтобы ласкать могуществу, или, если прелестью цветов покрывает разврат и пороки, если, вместо огня благодетельного, он возжигает в душах разрушительный пожар, и пищу сердец чувствительных превращает в яд: перо его – скипетр, упавший в прах, или оружие убийства! Чтобы память своей не обременить сими грозными упреками, писатель не должен отделять любви к славе своей от любви к благу общему...».

Гнедич категорически не соглашался с теми, кто считал: писатель – слуга читателей, а его произведения – зеркало действительности. Им он с гневом отвечал: «Писатель, говорят, есть выражение времени, печать духа и нравов века своего. Как?... Он, свободный, должен рабски следовать за веком и, сам увлекаясь пороками его, должен питать их?... Удались, мысль, недостойная разума!.. В дни безверия и безбожия народного... пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти

благородные, чувства высокие, любовь к вере и отечеству, к истине и добродетели – вот что нужно в такое время, когда благороднейшими чувствами души жертвуют эгоизму... когда холодный ум сей опустошает сердце, а низость духа подавляет в нем все, что возвышает бытие человека. В такое время нужнее чрезмерить величие человека, нежели унижать его...».

Гнедич, сформировавшийся на стыке четырех культур – украинской, русской, античной и европейской, – прекрасно ориентировался в саду мировой культуры. Он пытался приучить доверчивых русских людей, прежде чем срывать плоды, смотреть на корни.

После 1917 года публицистические произведения Гнедича издавались лишь фрагментарно. И не только потому, что его эстетические и нравственные воззрения стали считаться глубоко устаревшими. Очевидно, что удобнее было иметь дело с Гнедичем-переводчиком, нежели с Гнедичем-мыслителем.

Одно из самых удачных изданий Гнедича было предпринято тридцать лет назад замечательным историком русской ли-

тературы XIX века Виктором Васильевичем Афанасьевым (ныне – монах Лазарь). Сборник избранного Гнедича вышел тогда в издательстве «Советская Россия». В него включены и сорок четыре записи из «Записной книжки» Гнедича (всего их 158). На дворе был еще «атеистический» 1984 год, но Виктору Васильевичу удалось опубликовать, например, такое соображение Гнедича о Библии: «В книге Бытия есть красоты столь необыкновенные, столь великие, что они убегают от всякого изъяснения критики; удивление не находит слов и искусство обращается в ничтожество».

И все-таки многие записи Гнедича не вошли тогда в книгу. Что сегодня мешает издателям опубликовать полностью «Записные книжки» Гнедича? Возможно, острая злободневность его мыслей о народе и власти, нравственный максимализм Гнедича?..

Вот некоторые из записей Гнедича, которых не было в изданиях советского времени (цитирую по сборнику П. Тиханова «Николай Иванович Гнедич», изданному к 100-летию со дня рождения поэта в 1884 году).

Из «Записной книжки» Н.И. Гнедича

Должно верить Богу и совести, ибо мы их чувствуем; все доводы будут всегда ниже убеждений сего ощущения.

Для людей не совсем твердых правил и слабой нравственности довольно найти в писателе одну фразу в пользу их поведения; они употребляют ее сначала, чтобы обманывать других, и кончат тем, что будут обманывать самих себя.

Испытание может ослабить сию веру привычки, которую люди, весьма хорошо делают, сохраняя сколько возможно. Но когда человек кончит испытание, и остается более верующим нежели при его начале, тогда религия остается уже на непоколебимом основании, тогда водворяется между ею и философией вечный мир и взаимное служение.

Молитва – есть дыхание души.

Истину, как и детей, нельзя рожать без болезни.

В буре бедствий светильник философии гораздо менее успокаивает, чем маленькая лампада перед образом Святой Девы.

Христианство извлекло из сердца звуки, совершенно неизвестные древним, и дало, так сказать, душе новые струны. Звуки сии силою любви проникают твердь небесную и достигают к Престолу Вечного.

Истинная философия никогда не растлит невинности сердца, ни в самой глубокой старости ума народного; учение Сократа и Иисуса заставят человека иметь добродетели по размышлению, если он не имеет их по побуждению.

Пусть Канты, упрямясь в сем ложном мнении, что нет ничего, что было выше нашего понятия, иссыхают над метафизикою; они никогда не постигнут ни одной тайны природы; не они положили *морю врата*, не они рекли ему: *до сего дойдешь и не преjdeши, но в тебе сокрушатся волны твоя*. Зачем, восклицает Монтан, зачем не пожелает природа когда-нибудь хотя на миг обнажить пред нами недра свои? Боже! Сколько лжи, сколько заблуждений мы увидели бы в нашем бедном знании!

Легкая поверхность философии ведет к заблуждениям и к неведению Божества, но полное учение сближает человека с Богом. Так говорит Бакон. Как ужасна эта истина! Одни простые сердца и одни великие умы могут веровать в Бога, ибо первые Его чувствуют по внутреннему убеждению, а последние постигают полными познаниями, к которым посредственные умы никогда не достигнут и всегда остаются во мраке, скрывающем от них Бога. Вот почему многие мудрецы думали, что учение философии чрезвычайно пагубно для толпы.

Многие просвещенные умы думали, что науки иссушают сердце, разочаровывают природу, влекут слабые умы к атеизму, и от атеизма к преступлению, но что, напротив, изящные искусства умягчают наши души, исполняют нас верою в Бога и посредством веры побуждают нас к исполнению добродетелей.

В век нравственный самые пороки покрываются личинами. В век безверия они нагло выказывают чело свое. Скупость, невежество, самолюбие, гордость являются в наш век в новом виде. Прежде они были робче, прикрывались учтивством и тонкостью; а теперь они к дурноте порока присоединяют еще дерзость и грубость; прежде они были неприятны и смешны; а теперь они безобразны и ненавистны.

Строгие, чистые нравы и благочестивая мысль еще более нужны в союзе с музами, чем гений.

Удивительный дух царствует в наше время между народами Европы. Недовольные настоящим, они не предвидят ничего, кроме перемен и революций. Мрачные и кровавые времена прошедшего повергли людей в род безумия, в котором истощенная душа мучится видениями. Кто будет внимательно наблюдать современников, тот увидит в них удивительную смесь подлости и дерзости, безбожия и суеверия, жестокости и сентиментальной нежности, разврата и набожности, холодности и романического испуга. Они не знают, во что им одеться, в доспехи ли рыцарей, в рясу ли монахов, или в тогу римскую? Они испытали

На литографии Чернецова: Гнедич (как всегда, чуть в стороне), Жуковский, Пушкин и Крылов

быть всем, выключая того, чем им быть надлежит. Истинное им кажется слишком обыкновенным, простое – низким и ветхим, и вкус их находит приятность в одном том, что чрезмерно (Гизо).

После жестоких времен безбожия и безнравственности, какое новое поприще ожидает подвигоположников веры! Сколько трудов и славы! Сколько заблуждений, народных раздоров, слез и язв, сколько несчастий, которые все требуют целебного бальзама религии. Никогда религия не имела больших надежд и блистательнейшего жребия. Перерожденный мир требует второго благовествования Евангелия; христианство возрождается и исходит победительный из страшной борьбы, в какую когда либо ад ввергал его. Кто знает – то, что мы приняли за падение Церкви, не есть ли ее восстановление. Она погибала в бездействии и праздности; она не вспоминала о кресте: крест явился, она будет спасена.

Никто не отвергает Бога, кроме тех, которым не нужно, чтобы существовал Он.

Получивший благодеяние будет всегда о нем помнить, если сделавший его о нем забудет.

Не должно хвалить обычаев чужой земли; ибо если люди не уверены, что их обычаи самые лучшие, то скоро захотят переменить их.

Мудрость государя не в том состоит, чтобы издавать новые законы, но чтобы хранить старые, и таким образом делать их для народа священными.

Государства доводятся до такого положения, что в них мыслящему человеку ничего не можно сказать без того, чтобы не показаться осуждающим и власти, которые это делают, и народ, который это переносит. В такие времена безнадежные должны молчать. В такие времена печальные молодые люди до старости, а старые до гроба доходят в молчании. Или горе безрасудному, который начнет говорить что думает прежде нежели

ВЕХИ ЖИЗНИ

1784, 3 февраля. Родился в Полтаве в семье бедного дворянина; мать умерла при его рождении.

1793–1800. Учеба в Полтавской семинарии и Харьковском коллегииуме. Увлечение театром.

1800. Учеба в университетском благородном пансионе в Москве, затем на философском факультете Московского университета. Участие в любительских спектаклях.

1802. Первые режиссерские опыты после окончания университета. Выход первого сборника стихов, пьес и рассуждений «Плоды уединения».

1803. Служба писцом в Департаменте народного просвещения. Знакомство с К.Н. Батюшковым. Написал и выпустил в свет «роман ужасов» «Дон Коррадо де Феррера, или Дух мщения...».

1807. Работа над переводом александрийским стихом пяти первых песен «Илиады».

1810. Знакомство с В.А. Жуковским.

1811. Избран в члены Российской Академии

1812. Работа над переводом «Илиады».

1814. Речь «О причинах, замедляющих успехи отечественной словесности» на торжественном собрании в библиотеке.

1817. Чтение своей поэмы «Рождение Гомера» на торжественном собрании в библиотеке.

1820. Орден Анны 2-й степени «за труды двукратного приведения в порядок вверенного ему отделения греческих книг и за составления каталога сих книг».

1825. Поездка на Кавказ для лечения.

1826. Утвержден в звании библиотекаря. До 1828 года по рекомендации врачей живет в Одессе.

1827. Награжден чином статского советника.

1829. Выходит полное издание «Илиады» в переводе Гнедича размером подлинника (гекзаметром).

1831. «По расстроенному здоровью» уволен в отставку.

1833, 3 февраля. Скончался от гриппа. Накануне пригласил священника и причастился Святых Таин. Погребен на кладбище Александро-Невской лавры, рядом с И.А. Крыловым.

обеспечил себе хлеб на целую жизнь. Горе ему, если чувство добра и справедливости поселилось в сердце бедняка. Лицемерие, притворство, вот верховный закон общественный для того, кто рожден без наследства.

Первый, издавший крик о равенстве – был его враг; если это был человек из народа, он алкал золота богачей; если богач – он хотел почести вельмож; если вельможа – жадничал верховной власти; и вот какого равенства желают все, о нем вопиющие; вот о каком равенстве мечтали в XVIII веке, но мы видели и грозное начало и быстрый конец кровавым мечтам сим. Нет равенства в природе, нет его на земле и не может быть в обществах человеческих.

Едва ли хорошо такое правление, в котором каждый гражданин имеет свободу повелевать, и стало быть каждый гражданин может быть тираном. Таково правление республиканское. Его лучше называть: правление *своевольное*.

* * *

Николай Иванович Гнедич не дожил до старости. Он умер 3 февраля 1833 года. Ему было 49 лет.

В его бумагах друзья нашли молитву. Она была сложена самим Гнедичем. Он так объяснял причины, по которым он взялся за этот труд: «Не знаю от чего, но сердце мое не удовлетворяется молитвами, в которых от начала до конца восписываются хвалы Богу; такие хвалы и умных людей оскорбляют. Душа моя всегда чувствовала нужду в молитве, в которой бы находилась она в собственных отношениях к Богу...».

Дмитрий Шеваров

ЕФИМОВ КЛЮЧИК

Автопортрет

*На Небеса шагнул он свойски –
Босой, небритый и худой.
Недостовало лишь авоськи
С сельповской нищей едой...*

*И там Ефима Честнякова
встречали яко свояка.
...Творил – казалось, что такого –
А выходило – на века.*

Из стихотворения «Ефим»
протоиерея Андрея Логвинова*

В конце шестидесятых годов научная экспедиция костромского музея добралась до глухой деревни Шаблово, что и сегодня стоит на берегу реки Унжи в Кологривском районе. Местные жители рассказали гостям о необычном че-

ловеке, который всю жизнь прожил в их деревне и умер буквально за несколько лет до приезда музейных работников. «Он писал картины, лепил фигурки людей, разных зверей, – рассказывали люди. – Учился у самого Репина...».

* Протоиерей Андрей Логвинов. День восьмой. Стихи. М. «Русское слово»; С-Пб., «Невская Лавра», 2010. Книга оформлена фрагментами работ Е.В. Честнякова.

Оказалось, что почти в каждом доме хранились работы деревенского художника: картины, написанные на тонких ситцевых тканях, домотканых колстах и даже на матрацной ткани, фигурки из глины, рукописные афиши...

На одной из них было написано: «В деревне Шаблово по воскресеньям и праздникам Ефим Васильев показывает детям и взрослым изделия из глины и живописи».

Так произошло открытие выдающегося русского художника Ефима Васильевича Честнякова. Благодаря подвижничеству реставратора Саввы Васильевича Ямпикова одна за другой прошли выставки его работ в Костроме, Москве, Флоренции...

Понемногу стала проясняться судьба таинственного деревенского мастера. Выяснилось, что Ефим Честняков действительно учился у великого Репина. Сохранилось рекомендательное письмо Репина: «Если лицам, оказывающим поддержку Е.В. Честнякову, нужно знать мой о нем отзыв, то повторяю, что г. Честняков обладает темпераментом художника, проникнут

стремлением к искусству... Профессор И.Е. Репин. 7 мая 1902 г. С-Пб. Академия художеств».

Около года Честняков занимался в Высшем художественном училище при Академии художеств. Потом по неизвестным причинам оставляет занятия, но продолжает жить в Петербурге, много рисует, пишет рассказы, сказки, сочиняет роман в стихах, увлекается театром, продолжает переписку с Репиным. В этих письмах нет ни жалоб, ни бытовых просьб, только размышления 28-летнего художника об искусстве, о жизни, о судьбе народа.

«Бедный народ... – пишет Честняков. – Вижу, как задавлен и материально, и духовно – бедность во всем. Твои подражания европейским образцам слабы... Самобытность тоже исчезает: нужда доконала тебя – до искусства ли тут...».

Осенью 1905 года Честняков уезжает домой, в Шаблово. Он приедет еще в Петербург в 1913 году, чтобы пройти курс занятий в академической мастерской Кардовского. Но с началом Первой мировой войны Честняков возвращается в родную деревню, чтобы больше никогда уже ее не покидать. С тех пор самые дальние его поездки были в уездный город Кологрив, где в краеведческом музее и городском театре в 20-х годах прошли две выставки работ Честнякова.

Я впервые увидел его картины в Костроме, в музее изобразительных

искусств. Стоял жаркий июль, в залах музея было пустынно. Одна из картин художника будто удерживала меня, и я раза три к ней возвращался, пытаюсь понять, что в этой работе так неотразимо на меня действует.

Краски у Честнякова везде очень сдержанные, будто притихшие. В основном теплых оттенков. Его любимый цвет – это живой, вздыхающий цвет свежеспеченного хлеба, чуть золотистой корочки. Наверное, художник мечтал о том, чтобы его работы согревали людей северной зимой. И чтобы длинными, скучными вечерами дети могли долго-долго рассматривать картины.

Быть может, поэтому в работах Честнякова всегда так много подробностей, мелких деталей – неожиданных, забавных, странных. У него часто взрослые ростом меньше детей, а дети всегда с очень важными лицами, как будто они тут самые главные.

Вернусь к картине, которая так ощутимо притягивала меня к себе на выставке в Костроме. На ней изображены самые обычные вещи: двор под снегом, вороны скачут у сарая, вдаль – дом и стога сена... Во двор въехали сани, лошадь грустная, со снегом на гриве. Но тут видишь, что это вовсе не сани и лошадь стоит... на досочке с деревянными колесиками. Вроде как игрушечная.

В понимании этой странной картины, возможно, и таится вход в мир

Честнякова, где стерты границы между реальным и сказочным, взрослым и детским.

Мир этот круглый – в нем нет острых углов, контрастов, резких линий. Мир густонаселенный, многодетный, даже тесный. На небольшой картине «Свадьба» можно насчитать сорок восемь персонажей, на картине «Слушают гусли» их уже сорок девять, а на полотне «Город Всеобщего Благоденствия» героев и вовсе сто тридцать шесть!

Интересно сравнить картины Честнякова с его фотографиями. Ведь он был одним из первых фотографов-любителей в своем Кологривском уезде. И первые снимки Ефим Честняков сделал в четырнадцатом году во время проводов новобранцев (сохранились несколько стеклянных негативов).

Так вот, эти снимки так же густо населены, как и картины Честнякова. Кажется, вся деревня хочет попасть в объектив невиданного аппарата. Но удивительно, что взрослые и дети у Честнякова сняты отдельно. Какие лица у детей! Простодушные, серьезные, дурашливые, восхищенные, лукавые... Все смотрят прямо в камеру, ждут чуда.

Что им говорил о фотографическом аппарате Ефим? Очевидно, что-то сказочное. Быть может, рассказывал про жар-птицу, которая вылетает из объектива, осеняет всех своим крылом дымчатым и горячим, и образ каждого остается в вечности.

Видимо, что-то и правда чудесное происходило в те секунды, когда фотографировал Ефим Честняков. На разных снимках я узнал одну и ту же девочку, глаза ее широко открыты, а ладони она везде держит так, будто выпускает птицу.

Из произведений Ефима Васильевича хуже всего сохранились «глинянки» – так он называл свои глиняные игрушки. До нас их дошло всего около сорока, и они кажутся разрозненными фрагментами какого-то прекрасного фантастического города-сказки. Это и в самом деле был «Город Всеобщего Благоденствия». Для него Честняков вылепил более восьмисот фигурок – людей, птиц, животных, а также деревья, дачи, церкви, дворцы, избышки...

Летом художник укладывал свой глиняный город в специальные ящики, потом все это хозяйство размещал на тарантасе, в который сам и впрягался. Так он «гастролировал» по близлежащим деревням, показывая свой город, рассказывая сказки и небылицы, читая стихи и показывая спектакли.

Особенно нравилась слушателям честняковская бивальщина «Шабловский тарантас» – о том, как жители

Шаблова построили огромных размеров тарантас, поехали в Кологрив, где купили всякого добра на всех. А когда вернулись, то решили отгородиться от недоброго мира огромной стеной.

«Получился необыкновенно большой дом, – пишет Честняков, – а внутри стоят избы и растут сады. Устроили общую большую печь. Тепло по трубам стало расходиться по всей деревне... Зимой в деревне стало лето – птички перезимовывать, скворцы остаются и ласточки...».

В Шаблове Честняков организовал первый детский сад. В нем художник был и за директора, и за воспитателя, и за нянечку. Но ни одно из начинаний не приносило Честнякову материального достатка, да и сама деревня после коллективизации обнищала. Старожилы вспоминали, как Честняков ходил по берегу реки, подбирал камешки, которые дома растирал для приготовления красок. Когда была возможность, покупал акварель в кологривском магазине канцтоваров.

За неимением хорошей бумаги рисовал на бланках документов.

Из письма Ефима Честнякова Корнею Чуковскому: «...В непролазных житейских недосугах много затраче-

но сил-времени на ломовые работы (сохой, плугом, косой, серпом, топором и подобное), да еще при воспитании круглых сирот-родственников. Хижищу строил из совсем ветхого хлама... Приблизилась старость. И все больше беспокоюсь о моих искусствах, на что затрачена жизнь... Мое положение невозможно понять, если не видеть лично...».

А в дневнике Ефим писал: «Прости, родной мир, дивно прекрасный... Суждено ли тебе не умереть, возродиться – воскреснуть и утвердиться навсегда в новой жизни? Или ты безвозвратно останешься в истории позади как чистый лепет дитяти, как деликатнейший аромат полевого цветка, как первая песня любви молодого сознания, как первые лучи утреннего солнца. И что будет на смену тебе; умрет ли твоя прекрасная песня и заменится рассудочностью старого возраста или на смену твоего целомудрия придут чувственные песни городской культуры?...».

Виктор Игнатьев, автор единственной научной монографии о жизни и творчестве художника, так пишет в своей книге о кончине Ефима Васильевича: «Умер Честняков тихо погожим ясным днем 27 июня 1961 года в своей ветхой

избе, которую называл шалашкой. Его хватились не сразу, кто-то вспомнил, что давно не встречал Ефима. Его нашли в мастерской – он лежал на скамье, рядом со своими произведениями. Хоронили художника всем миром, пришли крестьяне всех окрестных деревень, много было ребятишек. Гроб с телом несли на руках до самого Илешева – четыре километра. И сейчас могила Честнякова самая ухоженная... Поминали его у ключика, что бежит под деревней Шаблово. – Здесь он любил сживать до позднего часа в летнюю пору».

* * *

Однажды летом я плыл с детьми на небольшом теплоходе по северной реке. Как-то вечером, на заходе солнца, мы вошли в один из деревянных шлюзов Мариинской системы.

На берегу стоял маленький домик, как на переезде, а рядом с ним – дети, взрослые, старики. Они пришли встретить нас. Быть может, потому, что белый теплоход стал в этих местах редкостью, а может быть, и по другой, более смутной и таинственной причине.

Все пассажиры вышли на палубу. И вот мы задумчиво, будто сияя узнать, глядели друг на друга – те, кто на теплоходе, и те, кто на берегу.

Хотелось долго-долго смотреть на эту береговую жизнь, на длинные тени, на поленицы свежих дров, на весь этот томительно хороший вечер, когда дети еще малы и умещаются на руках.

И я узнал этот мир – по краскам, по лицам детей, по свежести и чистоте воздуха, воды и неба.

Это был мир Ефима Честнякова. Круглый, как яблоко, каравай хлеба или наша Земля.

Ефим Честняков

МОЛИТВА

*Душа в свободе невольна
И не открыт я для молитвы.
И явно нет борьбы и битвы,
И чаша жизни не полна.
Молюсь тебе, Святое Небо!
Пошли мне подвиг для души,
Для чувств своих прошу я хлеба,
Мое желание сверши.*

Душа стремится к Богу. И бедная – будто пугается света, как существо, долго находившееся во тьме. Она уже не сразу узнает свою родину – Небесное Отечество...

Какого человека ждет от культуры государство?

Не в первый раз на заседаниях Общественной палаты и Совета мне кажется, что мы начинаем сразу со второго вопроса, опасливо обходя первый: товар наша культура или народное сердце? Продаем мы ее, матушку, или строим? По древним-то основам она – почва и вместе возделывание, а почву возделывают, зная, какого урожая ждать. Сказать без метафоры – какого человека ждет от культуры государство? Ищет ли оно свободы, равенства и братства или, коли этот французский лозунг на национальную кальку дословно перевести, – православия, самодержавия, народности?

Ведь «гражданское общество», которого мы ищем, – это только договор о ненападении. Не зря доклад о нем в ОП в конце минувшего года заканчивался обобщением, что это общество в России находится «в стадии ветвления», так что сразу и было видно, что за поэтическим образом скрывается полная неотчетливость. А мы об этом, о цели-то строительства, ни гу-гу.

И это не о политике, а о театре, о театре, который – прямое дитя общественных забот. Ведь товстоноговские «Мещане» или «Горе от ума», эфросовские «Три сестры», любимовский «Борис» или даже современниковский спектакль «Так победим» были явлением не театральной только, а общественной истории, работами, которые складывали поколения, становясь кровообращением нации даже у тех, кто их не видел. Вспомните-ка, с каким волнением шли мы в театр в 60–70-е годы, потому что там решались проблемы нашего ума и свободы, нашего сердца и надежды.

А отчего же вы, спросит нынешний реформатор, с вашим национальным кровообращением тогда не устояли перед натиском постмодернизма? Что же уступили «детям Розенталя»? Да оттого как раз, что в молодые лета (а мы теперь все как-то моложе себя умом, словно вчера родились, чем постмодернизм и пользуется) не отвыкнем от детской привычки оборачиваться: как Европа поглядит. Вон еще Федор Михайлович с какой горечью воспроизводил мечты реформаторов культуры восьмидесятых годов XIX века: «Мы намерены образовать наш народ помаленьку, переделав его национальность в иную. Образование построим на отрицании всего прошлого. А чуть выучим народ грамоте, начнем обольщать его Европой. Заставим устыдиться своего прежнего лаптя и квасу и заставим петь рифмованный водевиль (только улыбаешься, вспомни наши «Нотр-Дамы» и «Чикаго»). Подействуем на слабые струны народа, и когда он застыдится своего прошлого и проклянет его, тогда уж народ наш. Не можем же мы толковать вместе с вами о таких, например, вещах, как Le Pravoslavie? и как будто особое значение его...».

Молодца! Добились своего! Стыдимся. И как заглянешь в театральные новости, то и увидишь, что один «взялся» за Шекспи-

В начавшийся в России Год культуры на заседании Совета при Президенте РФ по культуре и искусству в Пскове 3 февраля выступил Валентин Курбатов

В 1937 году (!) уже обезглавленный Страстной монастырь был окончательно уничтожен. Перед этим в нем размещался антирелигиозный музей Союза безбожников. Памятник Пушкину перенесли с его родного места на противоположную сторону. Некогда лучшая газета страны – «Известия» – перестала существовать в своем исконном виде

ра, другой решил «интерпретировать» Чехова. Как, должно быть, жалели старики Шекспир и Чехов при виде этих засучивших рукава молодцов, готовых «взяться» и «интерпретировать». И театры становятся неотличимы от рекламы. Как в рекламе от Владивостока до Калининграда один набор постеров и призывов жить «здесь и сейчас», получая «все и сразу», так и в театре – все смелы и метафоричны, знают толк в симулякрах, а сидишь ли ты в Костромском или Хабаровском театре – не разберешь. Так что Аркашам Счастлищеву и Несчастливцеву нечего скитаться из Вологды в Керчь – они и не заметят, что прошли пол-России. А бывало, театральные завсегдатаи за честь считали доехать до малого городка Советска (бывшего Тильзита), чтобы увидеть его «консервативный», но чудно живой театр, а уж про Паневежис не говорю – город с наперсток, а всякий спектакль – школа. Да и к нам как летели наш спектакль «На всякого мудреца» поглядеть – так он был молод и дерзок.

Впрочем, простите, это уж от бессилия. Раньше говорили о Западе и России: «Два мира – две судьбы», а теперь в нашем доме – «два мира – две судьбы», хотя мы из родного Le Pravoslavie знаем, что разделившееся в себе царство не устоит. Или как там у Окуджавы

*Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжеск быт
или страшны мятарства.
А погибают оттого
(и тем больней, чем долгие),
что люди царства своего
не уважают больше.*

А мы равно в театре, кино, телевидении, литературе один в СССР доживаем, другие в телеканале «Дождь» или «Эхо Москвы»,

которые представляют не граничащие друг с другом России.

Во все времена есть свои романтики и классицисты, да и в одном человеке со временем совершается этот «переезд» из романтиков в классику, потому что, как Александр Сергеевич мудро заметил, «смешон и ветреный старик, смешон и юноша степенный», да только уж когда твоя история зовется постисторией и религия – пострелигией, становится не до цитат. Цивилизованный мир ищет свободы, однополых браков, экстрима, побольше низа. И мы за ним, чтобы в «Вишневом саде» беспрерывно задирали юбки, а в «Мертвых душах», как Коробочка у господина Серебrenникова, расстегивать ширинку Чичикова губами.

Да и от родного нашего псковского театра после без малого десяти лет молчания хотелось бы открытия поосновательнее «Графа Нулина» – зритель-то не весь из телевизора, а есть и воспитанный нашим театром с великими стариками, отмеченными в Пскове мемориальными досками. И заботиться о новом зрителе надо, но не зангрыванием, не массовым переездом в цивилизованное человечество, а уважением своего Отечества и своей великой культуры, на которую мир оглядывался.

Если в результате нашего разговора провинциальные театры перестанут стыдиться своей провинциальности и покажут нам не бедные копии столичных премьер, а поймут животворящее чудо и единственность земли, на которой стоят, то мы и увидим настоящее «единое культурное пространство» не в унификации, а в роскоши разнообразия, которое Бог дал России. А если возвратят нам и русскую театральную школу, которая знала, что долгую жизнь спектаклям обеспечивает только долгая родная мысль, а не бегство за щегольством формы, то встретились мы не зря.

Дмитрий Ермаков

«Бирюзовый дом» в Николе С чего возрождается родина

Андрей и Марина Кошелевы, создатели и руководители культурно-просветительского центра «Бирюзовый дом», живут в Москве (Зеленоград), но давно и хорошо известны в наших краях. В Вологде и других городах области проходили их фотовыставки, презентации изданных ими книг и фотоальбомов. С 2002 года они часто приезжают в село Никольское Тотемского района Вологодской области, на родину Николая Рубцова. А летом 2013 года здесь был открыт филиал «Бирюзового дома». Недавно я встретился с ними в Вологде. Марина Николаевна Кошелева рассказала о своей работе, о планах:

– Мы только что приехали из Вытегры. Участвовали в Клюевских чтениях. Привезли в Вытегру книгу «Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова», подарили ее музею, библиотеке, участникам чтений, так что книжка уехала во многие регионы России.

...Эта книга сейчас передо мной – прекрасно оформленный архивными и авторскими фотографиями альбом. Поскольку я затрудняюсь окончательно определить жанр, то соглашусь с авторским определением – «фотосюита». Вот как написал о работе Кошелевых главный редактор журнала «Вологодский Лад» Андрей Сальников: «Мозаика, калейдоскоп, деревенский половик... В фотоальбоме Кошелевых пестрые нити – или разноцветные стеклышки, кому что ближе, – сходятся

в одну картину, потому что они, эти стеклышки и ниточки, скрепляются любовью – к Рубцову, к Вологодчине, к поэзии... Ко всем нам в конце концов». От себя добавлю – здесь, рядом с фотоработами, стихи Николая Рубцова, воспоминания о нем, стихи поэтов, близких Рубцову, раздумья над его стихами... Все это, вместе с фотографией, создает единую картину живого поэтического мира...

Но вернусь к разговору с Мариной Кошелевой. Она раскрыла книгу «Что вспомню я?» на стихотворении Клюева «Плач о Сергее Есенине». «Падает снег на дорогу, белый ромашковый цвет...» – писал Клюев. В Вытегре мы часто вспоминали эту строчку, потому что был Покров и выпал первый снег... Мы ехали на могилу матушки Николая Клюева (каждый раз мы туда

ездим), и вдруг автобус встал, сломался, и остаток пути мы шли пешком и увидели многое, чего раньше не замечали... На погосте – развалины церкви. Часом позже в клубе села Макачево я предложила поставить на месте этой рухнувшей церкви часовенку. Все меня поддержали, и тут же были сделаны первые взносы – кто сто рублей дал, кто пятьсот... Пока, конечно, собрана маленькая сумма, но ведь все начинается с малого...

– А к Клюеву вы как пришли? Через Рубцова?

– Да, сначала был Рубцов. Были поездки в Николу, Тотьму, на Рубцовские чтения, была фотовыставка по его стихам... А лет семь назад нас пригласили с рубцовой выставкой в Вытегру. Тамара Павловна Макарова, которая около тридцати лет возглавляла Вытегорский музей и является вдохновителем Клюевских чтений, сказала, что им хотелось бы видеть такую же выставку и о Клюеве. И мы ее сделали...

– Но вы занимаетесь не только Клюевым и даже не только Рубцовым. Что такое «Бирюзовый дом»?

– Это культурно-просветительский центр. В нем мы знакомим людей (прежде всего молодежь) с нашими

отечественными традициями. Чем глубже традиция, тем успешнее модернизация. На Русском Севере еще сохранились традиции самостояния – отсюда и наш интерес к Вологодчине, к Рубцову, Клоеву... Почему «бирюзовый»? «Бирюза – знак истинной поэзии» – это слова Клоева. И у него же: «Где кедром в роще бирюзовой доспеет русская судьба». Бирюза упомянута и у Рубцова. У него – как признак грозowego человеческого бытия: «И бирюза, и огненные перья ночной грозой вымытых небес...».

Бирюза – знак неба. Дом – это земное, стоящее на земле. «Бирюзовый дом» – соединение земного и горнего... А теперь уже задумано и «Бирюзовое кольцо Русского Севера». Кольцо – символ неразрывности. Хочется объединить людей-энтузиастов в мегаполисах и в российской глубинке: библиотекарей, историков, педагогов, предпринимателей – очень многих, кому дороги наши традиции. Например, москвич Андрей Андрианов помог нам в разработке концепции: у человека должны быть три вида отдыха. Для «тела» нам, северянам, отдыхать хорошо там, где тепло; для интеллекта – музеи. Для души же лучший «отдых» – храмы, монастыри, природа, деревня – Русский Север.

Однажды на Клоевских чтениях, – продолжает рассказ Марина Николаевна, – мы познакомились с семьей из Санкт-Петербурга – Сергеем и Натальей Русановыми. Он – регент церковного хора, победитель конкурса «Весна романса» в Питере. Я тогда впервые услышала, как Русановы пели стихи Клоева на мелодии петербургского композитора Виктора Панченко. Это было незабываемо! А потом мы встретили Сергея и Наталью на фестивале «Рубцовская осень». Вместе ездили на Пошехонское кладбище к могиле Рубцова, и там они спели молитву. И я поняла, что именно эти люди очень нужны сейчас Николе...

Мы с Андреем с 2002 года знаем Николу и еще успели застать там и засеянные поля, и стада коров, и лошадей. Весь этот рубцовский мир был как на ладони. Стихи жили всюду. Там сама местность – памятник Рубцову. И мы все это запечатлели на фотографиях. Но несколько лет назад колхоз

Андрей и Марина Кошелевы

купили люди, назвавшие себя инвесторами. Они посулили «золотые горы», но все стало разваливаться. Местные жители впали в уныние. Лошадей, коров, рабочих мест... ничего не стало! Уже и Рубцова-то почти нет, потому что его стихи жили всем этим, жили на этой земле...

«Неужели не сохраним потомкам эту землю, неужели останется только музей?» – думалось нам. И мы захотели, говоря словами Рубцова, «сонный встряхнуть фиорд». Но для этого нужно было найти точку опоры. Эта точка – память предков, вера... И мы решили, что нужно начать с восстановления храма... Вот туда, в Никольскую церковь, мы и пригласили Русановых в июле 2012 года для того, чтобы там прозвучала молитва...

В храме, воспетом Рубцовым, были тогда, после выезда хлебопекарни, горы мусора. Я обратилась в школу, в музей, написала письмо в местную администрацию. И все откликнулись. Глава муниципального образования «Толшменское» В.А. Сивцев, заведующая музеем Рубцова Г.А. Мартюкова и директор Никольской школы Ю.А. Шадрин стали нашими активными сторонниками и помощниками. Организовали суб-

ботник, в котором участвовало все село, а через неделю – 21 июля 2012 года – прозвучали и песнопения, объединившие всех, ставшие настоящим народным праздником...

Мы привезли нашу выставку «Острова свои обогреваем» – фотографии Николы и ее жителей в период с 2002 по 2012 год. Был концерт для ветеранов. Провели круглый стол о будущем села, с участием и школьников. Надо сказать, что за год до этого М.А. Полетова, руководитель Рубцовского центра в Москве, начала сбор денег на храм, но большого отклика тот почин не получил. После песнопений сбор народных средств оживился. Помог, в частности, «Клуб деловых людей» Вологодского землячества в Москве. И уже к январю 2013 года северный придел храма Николая Чудотворца был отремонтирован и в нем состоялась первая служба.

И еще об одном человеке и его инициативе хочу рассказать. Это предприниматель из Кисловодска Сергей Павлов. Узнав о наших заботах, он перечислил на счет «Бирюзового дома» 30 тысяч рублей – половину на храм и половину – не удивляйтесь! – на постановку в Николе танца «Русский перепляс». Думаю, что русский перепляс

Эта бабуля знает, где за рекой Толшмой был кирпичный завод, построенный только ради храма

Слушают «Евгения Онегина». Читает Инокентий Смоктуновский

для него – символ, знак силы, удали, и ему захотелось, чтобы и это было на рубцовской земле...

– Да, грусти там и так достаточно, а вот силы и удали не хватает, – согласился я.

– Нас поддержали и местная администрация, и музей, и школа. Обратились к самой многодетной семье села – к Иутинским: «Хотим, чтобы в «Русском переплясе» участвовали ваши внуки».

К пятнадцати тысячам кисловодского бизнесмена добавили денег на костюмы и сапоги. Хореограф Юлия Серкова поставила танец, и в Николе появился школьный ансамбль «Русский перепляс», который знают уже и в Вологде. Наш «Бирюзовый дом» в 2012 году организовал экспедицию «Журавли над Николой», а на следующий – «Острова свои обогреваем», и нашими верными помощниками стали местные школьники. Они же вместе с учителями разработали проект «Туристический путь по древнему Солигаличскому тракту», сделали серию буклетов о земле Толшменской и людях Николе, активно участвовали в литературно-краеведческих чтениях, мастер-классах «Мастерские на Толшме» и сплаве на катамаранах по Сухоне.

Все это стало стимулом для дальнейшей творческой жизни. Жители Николе начали изучать историю своего села и храма. Обратились к архивам участники экспедиции «Журавли над Николой», заведующая музеем Рубцова Г.А. Мартюкова и выпускница

Никольской школы, студентка ВГПУ Надежда Воронина. Девушка сделала настоящее открытие: храм оказался старше, чем считалось (1791 г.). В «жалованных грамотах», найденных при помощи доцента ВГПУ Ивана Пугача, говорится, что церковь Николая Чудотворца существовала еще в начале XVI века.

Наш «Бирюзовый дом», можно сказать, частью своего фундамента стоит в Николе. К столетию освящения последнего церковного здания мы выпустили сборник архивных материалов «Храм Николая Чудотворца на реке Толшме. 1528, 1791, 1913...».

Открыли филиал «Бирюзового дома», на базе которого планируем создать «Школу русского слова». Для местных и приезжих групп подростков и семей будут проводить мастер-классы учителя, писатели, художники, предприниматели, специалисты аграрного дела, ремесленники и другие профессионалы – все, кто захочет участвовать в возрождении духовной родины Николая Рубцова.

В планах на будущее – помогать в ремонте храма, в создании местной воскресной школы, молодежной фермы, в разработке экскурсионных и туристических маршрутов. Промежуточные итоги можно будет подводить на осеннем празднике «Дождики» в рамках фестиваля «Рубцовская осень». «Мы хотим, чтобы люди с удовольствием приезжали сюда, – говорит Марина Николаевна, – это очень поможет развитию территории».

Нельзя не сказать об одном важном событии. Человек, не пожелавший назваться, пожертвовал деньги на колокола для восстанавливаемой церкви. Кошелевы съездили в Тутаев (там льют колокола по старинной технологии), подобрали нужные и привезли в Никольское...

В заключение хотелось бы, по просьбе М.Н. Кошелевой, поблагодарить за поддержку проектов «Журавли над Николой» и «Острова свои обогреваем» администрацию Тотемского района и администрацию муниципального образования «Толшменское», «Клуб деловых людей» Вологодского землячества в Москве и управу района Старое Крюково города Москвы.

*Авторы фотографий – Андрей и Марина Кошелевы
Вологодская обл., с. Никольское*

СКРЕПЫ

*Если будешь смирен-
но думать о себе, то
найдеши покой везде,
где бы ты ни был.*

Авва Пимен

Соловецкие истории

Вы заметили, как все легче просыпается по утрам? Солнечный свет бьет в глаза, весело поднимая нас, спящих. И так хочется успеть сделать много хорошего, выбравшись из зимней спячки души. Свет прибывает в мире, его все больше. Сияет в небе ликующее солнце Пасхи. И наше сердце тоже имеет сейчас удивительную возможность наполниться светом любви, заботы, радости в другом человеке. Начинается время новых откры-

тий – весенние ветры странствий манят в новые, неизведанные земли, в святые края.

Их у нас в России не перечесть. Давайте в этот раз отправимся на далекие, почти сказочные, Соловецкие острова, где расположен один из древних русских монастырей, основанный учениками учеников преподобного Сергия Радонежского. И пусть теплый попутный ветер будет нам в помощь...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. О НАДЕЖДЕ, ВОЛНАХ ЦВЕТА МОЛОКА И ОСТРОВАХ, ВЫРАСТАЮЩИХ ИЗ ВОДЫ

Мы с братом в детстве очень любили книги о путешествиях и приключениях. Нам казалось, нет ничего интереснее, чем оказаться в новых, неизвестных местах. Но мы были слишком маленькие, часто болели, и мама, конечно, никуда нас не отпускала. По вечерам мы сооружали посреди комнаты гигантский парусник из стульев, длинной ручки от швабры и парочки простыней. И изо всех сил надеялись, что когда-нибудь куда-нибудь все-таки попадем.

С тех пор прошло много лет. И вот мы идем на маленьком катерке по Белому морю. Не поварошку, а на самом деле. Где-то там, за многими сотнями километров железной дороги, осталась Москва. Карельский городок Кемь, где нас взяли на борт, – последняя сухопутная точка на

карте. Здесь кончается «Большая земля», «материк». Дальше только вода. Волны трясут старое суденышко изо всех сил, перехлестывают через палубу. Качает немилосердно, кружится голова. Мы спросили капитана: «Далеко ли еще плыть?». Капитан усмехнулся нашему сухопутному неведению: «Идти-то? С Божьей помощью часа два с половиной, а так – все четыре». С Божьей помощью... Чувствуются в этих словах Соловки – древние монашеские острова Русского Севера, куда мы держим путь.

Два часа ночи, а светло как днем. В июле ночи на Соловках белее знаменитых на весь мир петербургских белых ночей. Кажется, солнце совсем не собирается спать. Закат и рассвет совершились на наших глазах, в одно мгновение. Волны понемногу утихают, становятся какого-то необыкновенного, молочного цвета. Может быть, потому оно и Белое, это море?

«Башни! Смотрите – башни!», – вдруг закричал парень в оранжевой куртке. Да откуда они взялись?словно из воды выросли. Прямо как у Пушкина в «Сказке о царе Салтане».

Может, померещилось от бессонной ночи и долгого пути? Нет, это и

есть Соловки. Все, дошли, слава Богу. Стали на якорь в бухте Благополучия Большого Соловецкого острова. Спускаемся по мокрым сходням на берег, а сердце еще дрожит от качки. Как же Зосима, Савватий и Герман – основатели Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря – добрались сюда почти шестьсот лет назад в небольшой дощатой лодочке с парусом?

В Соловецком архипелаге шесть островов. Большой Соловецкий остров – самый крупный из них, около 25 километров в длину и 16 в ширину, больше, чем знаменитый рыцарский остров Мальта в Средиземном море. Неподалеку другие острова и островки – Большой и Малый Заяцкие, Анзер, Большая и Малая Муксалма. Малая Муксалма и в самом деле малая – занимает в море меньше квадратного километра. У каждого острова – свое лицо и своя история. Целого лета не хватит, чтобы узнать их. И вот что еще интересно: острова эти живые! Еще в прошлом веке ученые обнаружили, что каждые сто лет они подрастают над уровнем моря на семнадцать сантиметров.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ПРО МОРСКИХ ЗАЙЦЕВ И МОРСКУЮ КАПУСТУ

акватории¹ Соловецкого архипелага есть два острова со смешными названиями – Большой и Малый Заяцкие. «Зайчики», как говорят здесь. Они названы в честь

удивительных обитателей Белого моря – морских зайцев. Это одна из разновидностей очень крупных тюленей. Как посмотришь на их круглые усатые морды, сразу догадаешься – точно, заяц! Только без ушей. Они и по окрасу шкуры похожи на своих длинноухих сухопутных собратьев, такие же серовато-бурые, как бывают русаки летом. А еще, наверное, зайцами их прозвали за то, что, выбираясь из воды на льдину, они не заползают, как другие тюлени, брюхом, а выпрыгивают вверх, опираясь лапами на лед. А может быть, еще и за то, что они ведут себя тихо и миролюбиво, несмотря на гигантские размеры. Взрослый зверь весит больше трехсот килограммов.

Морские зайцы питаются в основном моллюсками и рыбой, а вовсе не морской капустой, хотя она в большом количестве произрастает у соловецких берегов. Морская капуста – это длинные бурые водоросли, которые ученые-биологи называют «ламинария». Часто ламинарию выбрасывает на берег во время штормов, но обычно соловецкие рыбаки специально выходят за ней в море на нескольких моторных лодках одновременно. Добывать водоросли – работа мужская, для нее требуются сила, сноровка и много рук. И еще специальные инструменты – драга и кабза. Драга – это острая коса на длинной ручке, которой ламинарию срезают на дне моря. А кабза похожа на большую трехзубую вилку, на которую наматывают тяжелые, мокрые водоросли, как макароны в тарелке, и стряхивают в лодку. На берегу морскую капусту выгружают и развешивают для просушки на проволоку. Причем каждый лист должен сушиться отдельно. Очень забавно выглядят эти широкие коричневые ленты

¹ Аква́тория – большое водное пространство. Это может быть озеро, море и даже океан.

на ветру – словно кто-то вздумал постирать старую киношленку.

Высушенные водоросли попадают на комбинат по их переработке и превращаются в лекарства, кремы и даже конфеты. Обыкновенный, всеми любимый мармелад обязан своим существованием морской капусте. Из ее листьев выделяют вещество агар-агар, которое добавляется на кондитерской фабрике в будущий мармелад. Морскую капусту едят и в виде салата, с уксусом, луком и растительным маслом, потому что в ней очень много витаминов. Да и просто потому, что вкусно!

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. О ТОМ, КАК МОРЕ ГРЕЕТ ЗЕМЛЮ

елое море в старину называли Студеным. И было за что: по полгода оно покрыто льдом. Ведь совсем недалеко Северный Полярный круг. «Как же вы тут зимуете?» – спросили мы местных жителей, заранее представляя себе колочий ветер и долгие северные полярные ночи. «Обыкновенно зимуем, – засмеялась островитянка Анна, которая всюду провожала нас в наших странствиях по Соловкам. – В январе, между прочим, всего минус девять, как в Москве». Что за чудеса?

У соловецких берегов совсем нет холодных течений, Оказывается, и вода вокруг островов никогда до конца не замерзает. А в июле даже нагревается до 20 градусов. Так что можно и искупаться, если кто смелый. Но ветер здесь всегда сильный и погода переменчивая. Шторм может разыграться за несколько минут и длиться неделю, а может и утихнуть почти сразу. За лето море набирает тепло и всю зиму греет острова, словно грелка. Только в феврале становится понастоящему холодно. Да к тому же все время темно – без часов и не узнаешь, день или вечер, – полярная ночь. Но жители Соловков не унывают. Будет и лето, и белые ночи, когда солнце почти целые сутки светит на небе. Соловчане, кажется, вообще не умеют унывать. Север – земля сильных духом людей. Другие здесь просто не смогут жить.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. О ТОМ, КАК ВОЗНИК СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

юди бывали здесь еще в древние времена. На Большом Заяцком острове археологи нашли загадочные каменные лабиринты в форме спиралей, которые относят ко второму тысячелетию до нашей эры. Предположительно это были святилища первобытных людей. Позже сюда изредка приплывали с «материка» рыбаки-карелы, чтобы бить морского зверя и заготавливать рыбу. Но никто не хотел оставаться надолго – слишком далеко от обжитых мест, слишком своевольно Белое море.

В 1429 году на пустынный берег Большого Соловецкого острова высадились два монаха из Новгородской земли – Савватий и Герман. С их приходом на острове началась новая, необычная жизнь. «Пустынное житие», как говорится в старых монашеских книгах. Вот и Савватий с Германом прожили на острове в полном одиночестве, в труде и молитвах. Каменистая земля не давала ничего вырастить, кроме репы. За хлебом приходилось возвращаться на «материк», преодолевая опасный двухдневный путь морем. Однажды Герман уплыл на лодке за припасами, а Савватий за это время умер. Датой основания Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря считается 1436 год, когда после смерти Савватия в эти места пришел монах Зосима. Со временем к пустышникам присоединились еще люди. Зосиму избрали игуменом и почитали как отца. В монастыре монахи жили дружной братской семьей – все делали вместе и помогали друг другу. Валили топорами высоченные сосны и строили из них первые храмы и избышки-кели, вываривали из морской воды соль и продавали заезжим купцам. А в обмен получали все, что нужно для монастыря, – хлеб, овощи, инструменты. Несколько раз маленький деревянный монастырь выгорал в пожарах дотла, и монахи хотели уйти прочь с острова. Но, погоревав, брались за топоры и строили свой деревянный монастырь

заново. «Трудиться – Богу молиться» – так и сейчас говорят на Соловках.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ. КАМЕННЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Когда смотришь на мощные каменные стены и башни монастыря, невольно задешься вопросом: когда они появились? Это произошло в XVI веке, при игумене Филиппе, будущем святом митрополите Московском, для защиты от набегов воинственных соседей – датчан и шведов. Огромные каменные валуны, которые ни одному человеку не поднять в одиночку, остались в земле еще с доисторической ледниковой эпохи. Из них-то при игумене Филиппе и было начато строительство каменных монастырских храмов. Самый внушительный из них – Спасо-Преображенский собор с пятью огромными куполами.

Могучие каменные башни, похожие на древнерусских богатырей в островерхих шлемах, выросли всего за несколько лет. А у монахов, между прочим, всей техники – примитивная деревянная лебедка, известная еще со времен Архимеда. Но вот что странно – все каменные валуны разные по размеру и форме, а башни похожи, как близнецы. Отчего так? У древнерусских строителей был свой особый секрет – неровности камня они выравнивали с помощью кирпичной крошки и камешков поменьше, насыпая их между каменными громадинами и заливая известковым раствором.

Соловчане часто называют Спасо-Преображенский монастырь «кремлем». Он в самом деле похож на кремль в Новгороде Великом или Пскове. И у каждой башни есть свое имя, как в Московском Кремле. Никольская – в честь святителя Николая, помощника и покровителя всех путешественников. Архангельская – в честь архангела Михаила, особо почитаемого на Русском Севере. Успенская – в честь праздника Успения Богородицы. Рядом с Прядильной башней располагалась мастерская, где монахи изготавливали («пряли»)

рыболовные сети. А о том, что находилось в монастыре рядом с Квасоваренной и Поваренной башнями, ты и сам догадаешься без труда.

А вот Корожная башня – что это значит? Может быть, это название происходит от северного, поморского словечка «корга» – «каменистый островок»? В бухте Благополучия, под самыми стенами монастыря, есть островок Бабыя Корга. Сто лет назад там находилась гостиница для женщин, приплывших помолиться на Соловки. Уж не отсюда ли, с Соловецких островов, пошла присказка о старухе с каменным, злым сердцем – «старая карга»? Белая башня – еще одна загадка. То ли море дало ей свое имя, то ли именуется она так потому, что в старину бельцами называли юношей, еще только готовившихся вступить в число монахов.

В разную погоду башни меняют свой цвет, словно хамелеоны. На солнышке становятся рыжими, а под тучами приобретают стальной или даже зеленовато-болотный цвет. Будто невидимый художник раскрашивает их умелой, неторопливой кистью.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ. МОСТ ЧЕРЕЗ МОРЕ И ДРУГИЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ ХИТРОСТИ

Соловецкий монастырь к концу XVIII века уже ничем не напоминал крохотную обитель нескольких монахов-отшельников. Он стал похож на настоящий город, где жили терпеливые и работящие люди, которые умели все делать своими руками. Под защитой каменных стен, кроме храмов и монашеских келий, помещались две больницы, библиотека, иконописная мастерская, ризница (хранилище вещей, необходимых для богослужения), оружейная палата, «портная швальня», где изготавливали одежду. И даже собственная мельница, которую тоже придумали и построили монахи-инженеры, постоянно изобретавшие разные «технические чудеса». Например, с помощью специальной системы труб в монастырские кладовые «сама» насыпалась и просеивалась мука, «сама» переливался в бочки квас.

За монастырской оградой, на берегу, располагались хлебный и соляной амбары, большой погреб-ледник (своего рода подземный холодильник) для хранения запасов вкуснейшей соловецкой селедки, которую ловили в море монахи-рыбаки. Монастырские корабли и лодки ремонтировались на маленькой верфи. Она называлась «карбасная служба», потому что северные мореходы-поморы издавна называли свои кораблики карбасами. Между прочим, первыми это слово использовали для наименования небольшого парусного судна древние греки. У них оно звучало как «карабос». А в русском языке постепенно превратилось в привычный нам «корабль». Где Греция, а где Соловки – посмотри-ка на карте! Между ними тысячи километров. А слово запросто преодолело огромное расстояние.

В следующем, девятнадцатом столетии удивительных «технических чудес» стало еще больше. На Большом острове, недалеко от озера Большой Перт, в Макарьевой пустыни был создан настоящий ботанический сад. Трудно в это поверить, зная, что рядом Полярный круг, но это так. Для подземного подогрева теплиц монахи-изобретатели подвели по трубам горячую воду от находившегося поблизости свечного заводика и выращивали розы, огурцы, дыни и даже арбузы.

А вот уж чудо из чудес – мост через море! В конце XIX века за одно лето между островами Большая Муксалма и Большой Соловецкий была насыпана дамба из огромных валунов. Причем эти каменные глыбы не были соединены раствором, а удерживали друг друга собственной тяжестью. Соседние острова разделял неглубокий, но коварный пролив, через который трудно было вести монастырские суда. А на Муксалме была монастырская ферма. Представляешь, сколько раз нужно было переправляться туда-сюда по воде, чтобы доставить молоко? Зато теперь можно идти с острова на остров пешком. Это один из любимейших маршрутов всех соловецких путешественников. Если быть внимательным, можно даже разглядеть морские звезды на дне моря...

Использованы буквы из «Азбуки церковнославянской» (авт.-сост. И.А. Горячева, И.А. Корнилова, С.М. Шестакова; худ. В.Д. Сыков. – Екатеринбург: Артефакт, 2013. – 152 с.)

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах
www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать «ЛАМПАДУ» можно
в любом отделении связи –
подписной индекс:
16594 в каталоге «Почта России»
или непосредственно в редакции –
8 963 962 5575

Обращаем внимание подписчиков:
со 2-го полугодия у нас только один под-
писной индекс

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	свт. Климента, папы Римского
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
св. мц. Татианы при МГУ	Книжный магазин «Книжница»
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Новомучеников и исповедников Российских в Стругине
Воскресения Христова в Сокольниках	Всех святых во Всехсвятском
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Преображения Господня в Тушине
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	прп. Сергия Радонежского в Бусинове
прп. Алексия, человека Божия	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хорошеве	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Хохлах	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	Всех Святых во Всехсвятском на Соколе
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	Воскресения Христова в Кадашах
царевича Димитрия при Голицынской больнице	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
Троицы Живоначальной в Останкине	прп. Сергия Радонежского в Крапивниках
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	
апостола Иоанна Богослова	

ISSN 2225-0271

